

АМЕЛИЯ ГРЕЙ

Мой любимый герцог

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Амелия Грей

Мой любимый герцог

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Грей А.

Мой любимый герцог / А. Грей — «Издательство АСТ»,
2018 — (Шарм (АСТ))

ISBN 78-5-17-114882-9

Тридцать лет – возраст, когда даже записному повесе настает время позабыть бурные забавы юности и начать восстанавливать погубленную репутацию. Однако способ, который тетушка предлагает герцогу Ратберну, – взять под опеку сиротку Марлену Фаст и найти ей подходящего мужа, – это уже как-то чересчур даже для него. Сиротка? Чертеночка она, а не сиротка! Непокорная, дерзкая девчонка будто задалась целью довести беднягу Ратберна до белого каления. И, что самое интересное, чем сильнее герцог злится на юную бунтарку, тем явственнее пробуждаются в его душе чувства куда более пылкие, чем положено строгому опекуну...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 78-5-17-114882-9

© Грей А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Амелия Грей

Мой любимый герцог

Amelia Grey
IT'S ALL ABOUT THE DUKE

© Amelia Grey, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

«Мои дорогие читатели!»

Холодной снежной зимой нам так не хватает улыбок и тепла! Возможно, кому-то поднимут настроение мысли о солнце и весне, а также последние сплетни грядущего сезона. Увы, злословие не будет слишком уж захватывающим, поскольку два главных распутника Лондона теперь женаты и, насколько я слышала, вполне счастливы. Пусть так, но все же остался еще один из сент-джеймских повес – герцог Ратберн, которого еще никому не удалось даже повернуть в сторону алтаря, так что нам будет о чем поговорить.

Для всех юных девиц, которые, вероятно, обдумывают возможность уронить свои кружевные платочки к начищенным до зеркального блеска сапогам герцога, я недавно написала небольшую брошюру, которая убережет их от безрассудств. Купите или возьмите у подруг эту крайне полезную книжицу и внимательно прочтите, прежде чем решите рискнуть своей репутацией. Называется она «Мудрые советы юным леди».

Еженедельный скандальный листок мисс Гоноры Труфф

Глава 1

*Распутник может появиться у ваших дверей совершенно
неожиданно.*
Мисс Труф

Любой мужчина, утверждающий, что не испытывает никаких сожалений, – лгун. Рат был в этом убежден. Кому об этом знать, как не ему. Он о многом сожалел в своей жизни и раньше, и после того как пять лет назад стал герцогом. Пусть и считается, что аристократам не пристало иметь такие слабости, даже если они ведут столь безрассудный образ жизни, как Рат, но все это неправда.

Прийти к этому обескураживающему заключению было непросто, но именно поэтому Рат сейчас стоял, поеживаясь от холодного воздуха, перед скромным домом, расположенным рядом с сент-джеймским парком, и, что весьма странно, с его собственным домом, и смотрел, как служанка копается в земле – похоже, что-то сажает.

Месяц назад, неслабо выпив, Рат, никогда не стремившийся к покаянию за свои грехи, внезапно словно переродился: ни с того ни с сего подписал документ, приняв на себя роль опекуна юной леди, которая жила в этом самом доме, что в тридцати шагах от него. Во время столь неожиданного прозрения его затуманенный и отравленный избытком спиртного мозг почему-то решил, что немного покаяния пойдет ему на пользу. Он и так нес на своих плечах немалое чувство вины – даже, пожалуй, непосильное для того, кому нет еще и тридцати.

Именно Рат предложил то злосчастное пари с письмами от тайных поклонников, которое до сих пор доставляет неприятности не только ему и его друзьям, Гриффину и Хоку, но и родственникам. В то время он считал себя везунчиком – ведь у него не было сестры, которую следовало выдать замуж, как у Гриффина. Ситуация изменилась в одночасье, когда старый друг его отца тяжело заболел и попросил Рата взять на себя заботу о его подопечной и подыскать для нее подходящую партию. Его первым желанием было решительно отказаться, но потом он решил, что, наверное, должен в память об отце сказать старику «да». При жизни отца Рат никогда не совершал поступков, которые не заслужили бы его одобрения: разве что научился заботиться о герцогских владениях и обеспечивать их процветание, – и теперь искренне надеялся, что такая любезность, оказанная лучшему другу отца, несколько сгладит впечатление от его бурной молодости.

Он подумал о мисс Марлене Фаст, и воспоминание оказалось не самым приятным. Эту девушку с шапкой непокорных рыжих кудрей и ободранными локтями он видел всего раз в жизни. Тогда ей было двенадцать: она взглянула на него огромными зелеными глазами – Рат еще подумал, что очаровал ее, – после чего швырнула ему в лицо лягушку.

Юные хулиганки крайне редко становятся благопристойными юными леди. Если мисс Фаст не изменилась к лучшему, с тех пор как он ее видел, едва ли есть надежда, что какой-нибудь подходящий пэр сделает ей предложение. Рат мог обеспечить ей хорошее приданое, но как же не хотелось опекать ее во время приближающегося сезона!

Он не собирался брать на себя обязанности опекуна и вовсе не намеревался заботиться о ее будущем до той самой ночи, когда обнаружил, что сидит один, пьяный, а на столе пустая бутылка из-под бренди. Он помнил, что Гриффин и Хок уже заплатили за то, что сделали много лет назад, и цена была весьма высока. Теперь пришел его черед. Не было никакого смысла снова и снова вспоминать ту ночь: дело сделано, и надо жить дальше. Он не в силах был ничего изменить для юных леди, которых поставил в неловкое положение письмами от тайных поклонников, зато определенно мог принять необходимые меры, чтобы мисс Фаст сделала хорошую

партию. Возможно, тем самым он немного искупит свою вину и реабилитируется перед отцом за то, что никогда не был приличным джентльменом, каким он мечтал его видеть.

Рат опять посмотрел на дверь. Надо в конце концов решиться. Ему всегда удавалось все, что задумывал, и в этом деле он тоже не должен ударить лицом в грязь.

Глубоко вздохнув, он пошел к двери, пытаясь убедить себя, что вовсе не важно, насколько он был пьян, когда совершил достойный поступок, согласившись взять на себя эту возмутительную, хотя и, безусловно, благородную обязанность. Взявшись за дверной молоток, он громко постучал и тут же услышал яростный лай. Через несколько секунд из-за угла вылетела маленькая короткошерстная собачонка, весьма воинственно настроенная, остановилась в нескольких футах от него и грозно зарычала.

– Тише, дружок, – сказал Рат, снял перчатку, наклонился и протянул дворняжке руку, но та вовсе не намеревалась успокаиваться, а, напротив, словно хотела оповестить всех: к двери ее хозяйки подошел чужой.

Через несколько секунд дверь открыла дородная матрона в чепце и переднике и приветливо улыбнулась:

– Добрый вечер, сэр. Как о вас доложить?

– Я пришел к мисс Марлене Фаст, – сообщил Рат, снял шляпу и положил в нее перчатки.

Откуда-то издали донесся звонкий голос:

– Тат, где ты? Что там стряслось?

– Сейчас вы ее увидите, сэр, – сообщила служанка. – Юная мисс через секунду появится из-за угла, чтобы выяснить, по какой причине ее драгоценная собака пришла в такое волнение.

Рат повернул голову в указанном направлении и действительно увидел высокую стройную девушку, легкой грациозной походкой вышедшей из-за угла. Ветер распахнул полы ее накидки, прижимая платье к ногам. Лица ее Рат не видел, потому что ее широкополая соломенная шляпка была низко надвинута на лоб, и это в такой пасмурный день.

– Тише, Тат, – мягко сказала она собачке. – Ты всем докучаешь.

Песик оглянулся на хозяйку, немного подумал и опять залаял.

– Ну хватит, хватит, – без всякого раздражения или строгости попросила она песика и сняла одну из перчаток, в которых явно копалась в земле. – Я здесь, с тобой, и у нас гость.

Собака продолжала лаять, но теперь подбежала к хозяйке и поднялась на задние лапки.

– Нет, на руки не возьму. Успокойся, иначе джентльмен может подумать, что ты невоспитанный пес и бросаешься на гостей.

Рат улыбнулся: неужели она подумала, что его испугает эта малявка? Впрочем, если ей нравится так думать, он не станет возражать.

Девушка подошла ближе, подняла голову, и Рат наконец увидел ее лицо. В глазах его зажегся интерес. Она оказалась очень привлекательной – большие глаза, маленький носик, соблазнительные губки. Даже грязь на щеке нисколько не умаляла ее очарования. Ее шляпку удерживала узкая лента цвета лаванды, завязанная бантиком. На руке висела маленькая корзинка с садовыми инструментами. В отличие от идеально чистого передника служанки ее фартук был в траве и земле.

Рата не удивило, что мисс Фаст сама копается в земле, как служанка или садовник. Судя по его воспоминаниям, чего-то подобного и следовало ожидать. Едва ли имело смысл надеяться, что с возрастом она приобретет утонченность и изысканность. Между тем замуж ее выдать будет не так сложно, как он опасался: она выросла настоящей красавицей.

Роскошные блестящие зеленые глаза взирали на него с откровенным любопытством. Остановившись, она сняла вторую садовую перчатку и положила обе в корзинку. На щеках вспыхнул румянец, сделав ее еще привлекательнее.

– Мисс Фаст, – проговорил Рат, стараясь не обращать внимания на собаку, которая внимательно обнюхивала его до блеска начищенные сапоги. – Я герцог Ратберн.

Ее красиво изогнутые брови удивленно приподнялись, рот слегка приоткрылся, и Рат понял, что она потрясена и испугана. Судорожно сглотнув, девушка присела в реверансе и тихо спросила:

– Что привело вас сюда, ваша светлость?

Она выглядела страшно напряженной, взгляд перемещался с него на дверь, потом на угол дома, словно она искала место, где бы спрятаться, куда сбежать, или, возможно, думала позвать кого-то на помощь. Ее била дрожь, и Рат мог побиться об заклад, что почувствовал в ней страх. Но почему?

Проклятье! Он вовсе не хотел ее испугать своим неожиданным появлением, хотя и знал, что порой один лишь титул может вызвать тревогу. Но чтобы такой страх... она взидала на него так, словно опасалась, как бы он не причинил ей физический вред. Даже ее прелестные розовые губки побелели.

Это его немало озадачило, а еще больше то обстоятельство, что она не боялась, пока он не назвал свое имя. Это совершенно точно. Скандальный листок мисс Труф, правда, весьма нелестно о нем отзывался. Возможно, мисс Фаст его читала?

Он так напряженно обдумывал ее странную реакцию, что забыл ответить на ее вопрос, и она его повторила:

– Итак, почему вы здесь?

Мисс Фаст с тревогой взглянула на его экипаж, стоявший неподалеку на обочине. Корзинка с садовыми инструментами, прежде свободно болтавшаяся у нее на руке, переместилась, и теперь она держала ее перед собой, вцепившись в нее обеими руками. У Рата появилось странное ощущение, что она словно защищается ею от него, как рыцарь – щитом.

– С вами приехал кто-то еще? – уточнила она с тревогой.

Прямота ее вопросов обескураживала. Надо как-то ее успокоить. Возможно, стоит напомнить, что они уже встречались, – иными словами, он не совсем ей чужой.

– Я один, – заверил он девушку, хотя понятия не имел, почему это так для нее важно. – Вы меня не помните? Мы встречались лет шесть-восемь назад.

– Смутно, – осторожно проговорила мисс Фаст.

Что-то подсказывало Рату, что девушка не вполне с ним честна, но он решил не уточнять: ей и так некомфортно, и он вовсе не хотел настраивать ее против себя.

Подумав, Рат снова заговорил как можно спокойнее:

– Мой отец был лучшим другом вашего опекуна, мистера Олингуорта, когда они учились в Итоне, Оксфорде, да и потом тоже. Мы приезжали к мистеру Олингуорту в его имение в Котсуолде, и вы были там.

– Да, но я не помню, зачем вы приезжали.

В это Рат поверил без труда.

– Я тоже. Возможно, у них было какое-то дело. Или это был обычный дружеский визит. В то время отец учил меня управлять нашими владениями.

Она опять окинула взглядом улицу у него за спиной.

– А с какой целью вы приехали сейчас?

Тот же вопрос. Что он должен сказать? Он не желал сообщать ей о цели своего визита, стоя на улице перед дверью дома, тем более когда она в такой панике. Он хоть и не самый терпеливый из мужчин, но все же не людоед. Впрочем, вероятно, не все с этим согласятся.

Рат мягко улыбнулся, всячески показывая, что у него и в мыслях нет ничего дурного. Наверное, именно такого поведения ожидал бы от него отец, весьма для него необычного. Никогда еще ему не приходилось никого успокаивать, как, впрочем, и пугать до дрожи, особенно леди. Очевидно, несколько лет назад, когда их дороги пересеклись, он не произвел на нее особого впечатления.

Рат никогда ни с кем не сюсюкал и не цацкался, но сейчас, подавив естественное желание повернуться и уйти, пробормотал:

– Я бы предпочел, если вы не возражаете, разговаривать не на улице, а в доме. Это возможно?

Девушка заколебалась.

– Если вы не одна, разумеется, – добавил он поспешно.

– Нет, не одна. Там, в доме, моя кухня.

Рат получил некоторое представление о мисс Фаст от мистера Олингуорта, когда заезжал к нему неделей раньше. Худой и бледный старик принял его в спальне, в постели, где полулежал, привалившись к горе подушек. Костлявые руки дрожали, бессильно вытянутые на простынях, голос был слабый и хриплый.

Потребовалось немало времени и усилий, но, в конце концов, Рат узнал, что мистер Олингуорт три года назад поселил мисс Фаст с кухней в предместье Сент-Джеймс, чтобы начать подготовку к ее дебюту, но тот так и не состоялся из-за резко ухудшившегося здоровья опекуна. Он не смог присоединиться к своей подопечной в Лондоне и представить ее обществу, поэтому к ней и приехал Рат.

– Что ж, в таком случае вам тем более нечего меня бояться.

Мисс Фаст на мгновение нахмурилась, но потом расправила плечи и дерзко вздернула подбородок: по-видимому, не знала, что ее страх столь очевиден.

– Бояться? Вас?

– Возможно, мне показалось, – решил не спорить Рат.

– Я не помню только первые два-три года своей жизни, ваша светлость, но зато отлично помню следующие. Я жила с тетей и дядей, у которых было пятеро сыновей, и все старше меня, поэтому частенько вместе с мальчишками ходила по болотам и лесам, даже по старому кладбищу ночью. Если уж я тогда не боялась, не вижу причины, по которой должна бояться сейчас.

Если это правда – а у Рата не было повода сомневаться в ее словах, – становилось понятно, почему она не побоялась взять в руки лягушку и швырнуть в него при их первой встрече.

– Приношу свои извинения. Я не знал, что до мистера Олингуорта вы жили в другой семье, где получили столь... специфическое воспитание.

– Я никого и ничего не боюсь. Полагаю, для того, что я сейчас чувствую, больше подходит слово «беспокойство».

Возможно, она беспокоится из-за того, что ее застали копавшейся в земле, как обычную простолюдинку? Это определенно неподходящее занятие для юной леди. Раздраженный неудачными попытками ослабить напряжение между ними, Рат почесал затылок:

– Но почему мой визит так... обеспокоил вас?

– Я уже несколько раз спрашивала, почему вы здесь, но вы так и не ответили.

– Три раза, если быть точным, но что это?..

Рат сделал паузу, обдумывая неожиданно пришедшую в голову идею, совершенно неприемлемую, даже рискованную, но когда его это останавливало?

Приложив палец к губам, он шепотом сказал:

– Стойте спокойно. Не шевелитесь. Вы кое-что принесли из сада, и оно все еще у вас на щеке.

Ее тонкие брови взлетели на лоб, в глазах мелькнула неуверенность, и, поспешно опустив ресницы, она попыталась увидеть то, на что указал ей он.

– Что там? Я ничего не вижу! Вроде бы ничего не ползает...

Она оторвалась наконец от корзинки и поднесла было одну руку к лицу, но Рат остановил, сделав к ней шаг:

– Нет, не двигайтесь.

– Это пчела? Или божья коровка? – Она опустила руку и опять вцепилась в ручку корзинки. – Неужели паук? О, только не это! Они такие противные. Оно все еще там? Я ничего не чувствую!

– Ш-ш-ш, – повторил Рат и подошел еще ближе.

– Или даже оса? – продолжила перечислять девушка, проигнорировав его предупреждение. – Знаете, они ведь разные и, как правило, не причиняют вреда, если их не трогать. Впрочем, для ос еще слишком рано. Наверное, это какое-нибудь насекомое, но я их не боюсь.

Рат ей поверил. Девочка, которая способна швыряться лягушками или ходить по ночам на кладбище, не может бояться жуков. Между тем она продолжала болтать, хотя и не шевелилась:

– Они время от времени досаждают, особенно в сухие жаркие дни. Осы могут ужалить, но если приложить к месту укуса тряпочку, смоченную в уксусе, то боль и отек очень быстро проходят.

Рата обычно безумно раздражала нервная болтовня, но не сейчас: ему было любопытно и даже весело слушать мисс Фаст.

Он достал из кармана сложенный носовой платок и аккуратно вытер платком грязь со щеки девушки.

Ее голова непроизвольно дернулась, длинные темные ресницы затрепетали.

– Ну вот, – сказал он удовлетворенно.

– Его больше нет? – спросила она с тревогой.

– Нет.

– А что это было? Божья коровка? Она улетела?

Рат показал ей белый платок, на котором красовалось грязное пятно.

Мисс Фаст взяла платок, внимательно рассмотрела и удивленно уставилась на незваного гостя, но вскоре глаза ее вспыхнули негодованием.

– Грязь? – воскликнула она в гнев, смяв платок в руке. – У меня на щеке была всего лишь грязь?

Он кивнул, а девушка еще крепче вцепилась в ручку своей корзинки, едва не кипя от негодования.

– Вы все это задумали... заставили меня молчать, чтобы...

– Молчать? – рассмеялся Рат. – Это называется «молчать»?

Мисс Фаст фыркнула, а он заметил:

– Да вы не замолчали ни на мгновение, хотя я неоднократно просил вас об этом.

– Уверена, что вы ошибаетесь! – заявила девушка, а глаза ее метали молнии от возмущения. – В любом случае во всем виноваты вы. Все, что о вас говорят и пишут, – правда.

– Возможно, так и есть.

– Ни один приличный джентльмен не прикоснется к юной леди без ее разрешения.

– Я знаю правила, мисс Фаст, хотя не всегда им следую.

По правде говоря, Рат старался обходить стороной невинных девиц. Ну, возможно, была у него подруга-другая... или несколько – в ранней молодости, но это было так давно. Потом он осознал, как легко разбить девичье сердце, и теперь у него не было ни малейшего желания связываться с девицами, и неважно, что его репутация в клубах и скандальных газетенках утверждала обратное.

Рат любил женщин и любил получать удовольствие, которое они ему дарили. Любовницы и вдовы охотно вступали с ним в отношения, но без всяких обязательств и уж точно не открыто, у всех на глазах, как юные девы. Опытные дамы искусны, щедры, угодливы и, как правило, думают лишь о наслаждении – своем и партнера. Они ничего не требовали, и это устраивало Рата.

Хорошо, что в глазах очаровательной мисс Фаст больше нет страха, только возмущение. Это было ближе и понятнее Рату.

– Мне необходимо обсудить с вами кое-что важное. Мы так и будем стоять здесь, на ветру, или, поскольку ваша кухня дома, пригласите меня внутрь?

– Да, конечно, – сказала девушка после некоторых колебаний и указала рукой на дверь, отцепив ее наконец от ручки садовой корзинки. – Пожалуйста, проходите в дом.

Тат опять залаял и побежал в дом, словно приглашение было адресовано ему. Служанка – или экономка? – распахнула дверь шире, но Рат кивнул мисс Фаст:

– Только после вас.

Когда она проходила мимо, он почувствовал слабый запах свежескопанной земли и травы. Было в этом нечто первобытное, естественное и необычайно привлекательное. Рат вложил перчатки в шляпу, передал экономке и переступил порог.

– Миссис Додл, пожалуйста, разбудите кухню. Скажите, что у нас гость, и я прошу ее присоединиться к нам. А потом приготовьте чай.

– Хорошо, мисс. – Экономка положила шляпу Рата на столик, стоящий у стены под большой картиной, на которой был изображен цветущий сад, и отправилась выполнять поручение.

Войдя в дом, мисс Фаст поставила свою садовую корзинку, в которой теперь лежал еще и его испачканный носовой платок, на тот же столик рядом со шляпой и принялась нервно развязывать ленту, удерживавшую шляпку. Рат слышал, как она что-то тихо, но раздраженно бормочет. Судя по всему, затянула узел, вместо того чтобы развязать. Раздосадованная, что так и не справилась с узлом, она сбросила шляпу на спину, явив его взору потрясающую копну золотисто-рыжих волос, которые так сверкали, словно на них светило солнце. Неожиданно Рату захотелось уткнуться в них лицом.

Девушка завела руки назад, чтобы развязать передник, и тот, в отличие от узла шляпы, сразу поддался. Сняв передник, она положила его поверх корзинки, а Рат вдруг подумал, что с радостью помог бы ей справиться с этим предметом туалета, если бы возникли проблемы, рискуя опять вызвать ее возмущение.

Ему бы это понравилось.

Рат видел, как она глубоко вздохнула: округлые плечи поднялись и снова расслабленно опустились. Ему нравилось наблюдать, как она собирает волю в кулак: красивая мисс из всех сил старалась успокоиться, прежде чем повернуться к нему, – а когда это, наконец, произошло, ее лицо было спокойным и уверенным. Так намного лучше, решил Рат.

– Кухня вскоре присоединится к нам, – сообщила она. – Мы подождем ее в гостиной.

Рат прошел за мисс Фаст по короткому коридору в небольшую, хорошо обставленную комнату, окинул взглядом обтянутые камчатной тканью диванчики и стулья, вполне приличные шторы, фигурки и лампы на столах. Все здесь было хоть и просто, но вполне приемлемо.

– Прошу вас, садитесь, – предложила мисс Фаст, жестом указав на диванчик, весь в ярких весенних цветах. – Подождем кухню.

– Ничего, я пока постою, – сообщил Рат, не в силах оторвать глаз от узла, в который запуталась шляпная лента.

Он явно давил ей на шею, доставляя дискомфорт. Интересно, как она отреагирует, если он попытается его развязать? Она возмутилась, когда он вытер платком ее щеку, а что будет, если развяжет узел? Ведь при этом его пальцы коснутся ее кожи. Одна только мысль об этом вызвала напряжение в паху, и он с шумом втянул воздух. Что ж, все объяснимо: она – привлекательная юная леди, а он – мужчина. Так и должно быть, только не у него: никаких планов на подопечную.

– Итак, ваша светлость, я вас в бог знает который раз спрашиваю: почему вы здесь?

А чего еще ожидать от леди, которая с детства не боится лягушек? Только вот всей правды он не мог ей сказать. Не признаваться же в том, что в какой-то момент горько пожа-

лел о своей былой невоздержанности. Он подумал, что, заменив престарелого опекуна этой девушки, хотя бы в какой-то степени искупит свою вину перед теми юными леди, которым навредили письма от тайных поклонников, и загладит вину перед отцом, который не только оставил ему процветающие поместья, но и всегда был джентльменом.

Были и другие причины, которые мужчине еще труднее признать: слишком много бренди и то, что два лучших друга недавно женились, были счастливы в браке, больше не ходили по вечерам в клубы и не сидели ночи напролет за картами. Рассказывать об этом нет никакого смысла. Главное – он откликнулся на просьбу Олингуорта о помощи. Остальное не имеет значения.

Он достал из внутреннего кармана сюртука запечатанный конверт и протянул ей.

– Это письмо от вашего опекуна, мистера Олингуорта. Прочтите, и поймете, почему я здесь.

Мисс Фаст взяла конверт, несколько секунд смотрела на него, потом подняла глаза на Рата.

– Я в замешательстве. Откуда у вас письмо, адресованное мне мистером Олингуортом?

– Оно вчера пришло вместе с документами.

Улыбка слегка тронула уголки ее губ, и Рат поймал себя на том, что мысленно просит ее улыбнуться еще, даже засмеяться.

Вместо этого девушка сказала:

– Я всегда рада получить весточку от мистера Олингуорта, но не понимаю, почему ее доставили вы. Трудно поверить, что вы взяли на себя роль посыльного.

– И вы правы, мисс Фаст, – усмехнулся Рат. – Я не читал письмо, но знаю, о чем оно, поэтому решил, что мне лучше быть здесь, когда вы его прочтете, поскольку у вас могут возникнуть вопросы.

– И о чем же он пишет?

– О том, что здоровье его неуклонно ухудшается и он должен передать опеку над вами кому-то другому.

– Да. – Девушка тяжело вздохнула. – Я знала, что это рано или поздно произойдет: он уже давно болеет. Его письма стали редкими и сумбурными. В последнее время я несколько раз просила разрешения навестить его, но он всегда мне отказывал.

Неожиданно она замолчала и подошла к окну. Рат тоже молчал, давая ей возможность осознать полученную информацию, которая напрямую касалась ее будущего. Он никуда не спешил. Ему нравилось просто смотреть на красивую девушку.

К нему подбежал Тат, и Рат наклонился к песику, улыбнулся и погладил его мягкую теплую шерстку. На этот раз он понюхал его ладонь и лизнул палец.

Через несколько минут мисс Фаст повернулась к своему гостю, и на лице ее читалось явное недоумение.

Рат еще раз погладил собачку и выпрямился, встретив ее взгляд. Она несколько секунд с напряженным вниманием смотрела на него, потом опустила глаза на конверт, погладила его кончиками пальцев и, нахмурившись, спросила:

– Мне все же очень любопытно, ваша светлость, почему с этим письмом ко мне пришли вы, а не поверенный или мой новый опекун.

Время пришло. Он оттягивал этот момент сколько мог в надежде, что наконец появится ее кузина и он сможет сообщить новость в ее присутствии.

– Так ведь ваш новый опекун – я.

Глава 2

Мужчина, который так пристально смотрит в ваши глаза, что кажется, будто заглядывает в душу, может оказаться распутником.
Мисс Труф

Марлена Фаст с трепетом и изумлением взидала на герцога Ратберна. Все, что она слышала или читала о нем, оказалось правдой: высок, широкоплеч, элегантен и неправдоподобно привлекателен, – а свой высокий титул, привилегии и богатство носит так же небрежно, как шейный платок. Такой завидный жених, мечта любой дамы ее опекун?

Подумать только, ее опекун!

Нет, она его не боится. Она всегда убеждала себя, что не боится никого и ничего. Она говорила это себе много раз и, вероятно, столько же еще скажет. Родители всегда с ней, охраняют ее, как когда-то, заботятся о ней, не оставят и сейчас, с другим опекуном.

Марлена во все глаза смотрела на герцога. Ни у одного английского джентльмена не должно быть таких блестящих темных волос и пронизательных глаз. Он больше походил на опасного пирата – она видела таких на картинах, – который ведет свой корабль по бурному морю, чем на высокородного аристократа. Вместо жилета на нем должна быть куртка с металлическими пуговицами, а вместо панталон из тонкой шерсти – штаны из грубой мешковины. На поясе ему следует носить широкий черный ремень с серебряной пряжкой, с которого свисают потрепанные ножны с кривым разбойничьим кинжалом.

Неудивительно, что она почувствовала легкое головокружение и даже панику – ненадолго, всего на несколько минут, – после того как он представился. Человек, стоявший перед ней во всем своем мужском великолепии, не кто иной, как повеса, о котором вот уже два с половиной года она писала в своем «еженедельном листке скандалов» под именем мисс Труф. Она же написала брошюру для молодых леди, чтобы не поддавались обаянию ему подобных.

Что же ей делать? В обморок упасть, что ли?

Судьба и так никогда ее не баловала, а теперь она и вовсе оказалась в опасности. Да, ей нужно время, довольно много времени, чтобы собраться с мыслями. Ведь поначалу она решила, что он намерен ее разоблачить как скандально известную мисс Гонору Труф: подумала, что сент-джеймский повеса в конце концов вычислил, кто такая мисс Труф, и явился, чтобы препроводить ее в Ньюгейт, на каторгу или еще куда-нибудь похуже – словно что-то могло быть хуже. Слава богу, герцог не знает, по крайней мере в данный момент, что она и есть мисс Гонора Труф, и не собирается передать ее властям.

Это немного успокоило ее.

Он пришел к ней вовсе не с вооруженной стражей и не затем, чтобы бросить в тюрьму, а потому, что теперь он ее новый опекун.

Марлена в бессильной ярости сжала кулаки: все в ней протестовало против такого развития событий, – сделала несколько шагов к герцогу и выпалила:

– Это не может быть правдой.

– И тем не менее это так, – уверенно заявил герцог. – Олингуорт обратился ко мне с просьбой, и я, после долгих раздумий, основательно приправленных бренди, согласился.

Сердце Марлены забилося чаще. Ей казалось, что, если она будет ему противоречить, все окажется неправдой.

– Он не мог так поступить со мной – отдать под опеку...

– Повесы? – любезно подсказал герцог и усмехнулся. – Мисс Фаст, я отлично знаю, что собой представляю, и тоже не сразу поверил, что Олингуорт хочет поручить опеку над вами

именно мне. Еще хуже мне было на следующий день, когда я осознал, что согласился, письмо уже отправлено и у меня нет ни одного шанса его вернуть.

– Вы согласились стать моим опекуном, когда были... в нетрезвом состоянии? – не поверила своим ушам Марлена.

Его черные глаза насмешливо блеснули.

– Боюсь, это единственная причина, которая объясняет столь необычное для меня отсутствие здравого смысла.

Марлена не думала, что ее можно оскорбить еще больше, и ошиблась. Где же его честь? Ах да, совсем забыла: у него ее нет. Герцог – живое воплощение всех грехов, о которых она слышала и читала (ну и писала, конечно).

Теперь, когда можно было больше не бояться, что ее вот-вот увезут в тюрьму, а потом отправят на виселицу, Марлена почувствовала себя значительно лучше.

– Не могу поверить, что вы признаетесь в таких возмутительных поступках.

– Это правда, и я не чувствую ни удовольствия, говоря об этом с вами, ни вины. – Он сделал паузу. – Знаю, вы уверены, что таким, как я, нельзя поручать опеку над невинной юной леди.

– Да, и не только, – прошипела мисс Фаст сквозь стиснутые зубы. – Это вообще сущее безумие.

– Согласен.

В голове Марлены металось слишком много мыслей, чтобы она могла в них сразу разобраться. Она вспомнила, с каким интересом герцог смотрел на нее на улице, хотя едва ли его можно за это винить. Хороша же она была – в испачканном переднике, садовых перчатках, чумазая.

– Но почему вы взяли на себя такую ответственность, осознавая, что вас, повесу, даже в обществе принимать не должны? Ведь, насколько я понимаю, никто не приставлял к вашей голове пистолет независимо от количества пойла, которое вы предварительно употребили.

Рат поморщился, и Марлена даже решила, что зашла слишком далеко, но лицо герцога тут же расслабилось и он усмехнулся – правда, невесело, – а еще хмыкнул – хрипловато, маняще и настолько интригующе, что Марлена по непонятной причине разволновалась сверх всякой меры. Этот мужчина выглядел таким естественным и привлекательным, так откровенно наслаждался ее возмущением, что ей захотелось топнуть ногой. Несправедливо это!

– Поставщик моего превосходного бренди, мисс Фаст, был бы обижен, услышав, что вы называли его продукцию пойлом. Ну а если без шуток, Олингуорт хотел, чтобы я взял ответственность за вашу судьбу, потому что считал такой исход наилучшим для вас.

– Вы шутите.

– На сей раз нет.

Да, поняла Марлена, так и есть, и неожиданно взглянула на герцога совершенно другими глазами. Его воротничок не был накрахмален, а бант шейного платка совсем потерял форму. Или это вовсе не бант? Непонятно, но в любом случае этот предмет туалета был завязан так небрежно, словно ему даже не пытались придать модный вид. Большинство аристократов носили так сильно накрахмаленные воротнички, что едва могли поворачивать голову и были вынуждены ходить с задранной подбородком, что придавало им в высшей степени высокомерный вид. Согласно тому, что она читала и слышала, они и вели себя соответственно: заносчиво и жестко. А этот герцог совсем не выглядел таковым. Очевидная комфортность одежды лишь добавляла ему очарования и какой-то мальчишеской непосредственности.

– Олингуорт не сомневался, что мой отец сделал бы для него все, если бы был жив, поэтому и доверил позаботиться о вас мне. И я приложу все усилия, чтобы вы сделали хорошую партию.

Марлена посмотрела на конверт, который все еще держала в руках, внезапно почувствовала, что задыхается, и что есть силы дернула запутавшуюся полоску сатина, на которой висела шляпа. Но вовсе не эта невесомая соломенная вещица мешала ей дышать: в ней все бурлило и кипело негодованием. Если не считать потери родителей в раннем возрасте, опекунов герцога Ратберна – худшее, что могло произойти в ее жизни.

Сможет ли она и дальше писать о таких, как он? Да, это ее долг – во всяком случае, еще некоторое время, хотя бы до начала сезона. Возможно, какой-нибудь джентльмен сделает Евгении предложение, она больше не будет сидеть на шее у сестры, и тогда Марлена сможет отказаться от своих скандальных разоблачений, как и планировала ранее.

Но что ей делать, если герцог вдруг все же узнает, что она и есть мисс Труф?

Нет, что будет делать он, а точнее – что сделает с ней?

Впрочем, сейчас это не имеет значения, поскольку перестать писать она не может. Издатель хоть и платил ей не много, но ее доходов хватало для Евгении и ее замужней сестры Вероники: Марлена оплачивала им содержание дома. Нет, пока она не может отказаться от своей писанины, еще не время.

Но как быть с герцогом? У нее не было возможности повлиять на выбор опекуна, а управлять своим наследством она пока не могла. С этим ей придется смириться.

– Я не понимаю, – пробормотала Марлена скорее себе, чем Рату, и положила запечатанный конверт на стол возле лампы. – Мистер Олингуорт был очень добр ко мне все эти годы, всегда давал гораздо больше свободы, чем имеют большинство юных леди. Почему же теперь проявил такую жестокость?

– Если вам станет от этого легче, можете считать, что таким образом он хотел наказать меня, а не вас.

– Вас? – воскликнула Марлена.

Его высокомерие не знает границ! Но с другой стороны, он типичный аристократ, распутник и повеса. Чего еще от него ждать? Такие, как он, думают только о себе, не считаясь с желаниями окружающих.

– Каким образом? Вы определенно заслуживаете наказания за все свои художества, но в данном случае наказана я.

Рат нахмурился – первый признак того, что его терпение и благие намерения подходят к концу, – и сделал шаг к ней.

– Неужели вы считаете, что мне было легко взять на себя ответственность за будущее юной леди?

– Вы могли отказаться.

– Я бы, безусловно, так и сделал, если бы все дело было только в этом. Поверьте, у меня нет ни малейшего желания нести за кого-то ответственность, особенно за юную девицу, которая предпочитает копать в земле, вместо того чтобы чинно сидеть в гостиной и учиться рисовать или вышивать.

Марлена стояла на своем.

– Мне просто нравится возиться в саду, и, слава богу, мистер Олингуорт никогда не запрещал мне этим заниматься, когда я жила в его дома в Котсуолде.

– Тогда все было иначе, – возразил герцог. – Вы, совсем еще девочка, жили в деревне, а теперь – в модном Лондоне. Юные леди не должны сами этим заниматься – для этого есть садовники, служанки, другой персонал. Не забывайте о своем происхождении и родственниках, пусть даже дальних, и ведите себя соответственно.

– Между прочим, я не бесприданница и имею средства к существованию. У меня есть наследство, пусть небольшое, и я вполне способна сама найти себе мужа, без вашей помощи.

– Вам должно быть известно, – сообщил герцог, раздраженно прищурившись, – что о ваших интересах кто-то должен заботиться: готовить к дебюту в обществе, знакомить с нуж-

ными людьми. Олингуорт выбрал меня, поскольку мог не бояться, что ваше приданое уйдет на оплату карточных долгов или какие-то другие нужды раньше, чем вам сделают предложение. Он знает, как, впрочем, и все общество, что я буду блажелателен к любому джентльмену, на котором вы остановите свой выбор.

– Вы говорите – общество? – уточнила Марлена, обдумывая его слова. – Значит, все дело в этом? Для вас важно, что подумают о вас окружающие?

Герцог поморщился, и Марлену удивило, что даже гримасы его не портят, но удивило еще больше, что с самого первого момента, когда увидела его, у нее подгибались колени.

– Меня перестало заботить мнение общества много лет назад.

– А мне так не кажется, – уверенно заявила Марлена.

– Значит, вы ошибаетесь.

– Не думаю. По моему мнению, вы хотите, чтобы общество знало, как вы добры к бедной родственнице графа, почти все земли которого были конфискованы королем еще до моего рождения только за критику заоблачных расходов короны.

– Граф делал это публично, мисс Фаст, что было неразумно.

Марлена тоже так считала. Ей приходилось не раз слышать, как дорого обошлись семье графа резкие слова, сказанные королю. А вот заботился ли герцог о своем положении в обществе, стоило выяснить, чтобы понять, с какой стати известный распутник решил занять место мистера Олингуорта.

– Быть может, вы считаете, что, взяв опекунство надо мной, заслужите прощение общества за свои давние проделки и вернете его благосклонность?

– По-вашему, мне это нужно? – Герцог усмехнулся, и у нее задрожали колени. – Скорее ад замерзнет и превратится в ледяную пустыню, чем я стану об этом думать.

Неожиданно для себя самой Марлена улыбнулась:

– Чудеса иногда случаются, не правда ли?

Он слегка кивнул, но возразил:

– Только для праведников, мисс Фаст, а мне бы не хотелось, чтобы меня когда-нибудь так называли.

К сожалению, она тоже не хотела быть причисленной к этому слою общества. Ей потребовалось немалое присутствие духа, чтобы выговаривать ему за прошлые грехи, в то время как сама она писала анонимные скандальные заметки о таких, как он, под вымышленным именем. Хоть она никогда и не призналась бы в этом, многие могли сказать, что они – два сапога пара.

– Я не слишком хорошо знал вашего опекуна, – продолжил герцог, – но мой отец был его другом и глубоко уважал.

– А как насчет меня? Вы его спрашивали? Вам не хотелось узнать обо мне больше, прежде чем принять на себя ответственность за мою судьбу?

– Должен признаться, нет. Я поверил Олингуорту, который сказал, что вы девушка благородного происхождения и отчаянно нуждаетесь в наставнике, чтобы дебютировать, войти в общество и найти себе достойного джентльмена.

– Отчаянно?

Слово прозвучало как ругательство, и Марлена пришла в ярость. Если она чему-то и научилась, пока жила с кузенами, так это никогда и ни при каких обстоятельствах не отчаиваться. Необходимо всегда оставаться сильной и уметь справляться с любой ситуацией.

– Мистер Олингуорт не мог употребить такое слово применительно ко мне. Пусть я еще в младенчестве и осталась без родителей, но никогда не отчаивалась.

– Я не знал, что вы осиротели так рано.

Марлена видела, что герцог удивился, и лишь надеялась, что не сказала о себе слишком много.

– Хотя мы с вами и встречались, но никогда не разговаривали. Тем не менее я знаю, что вы потеряли мать еще до поступления в Оксфорд, а отца – несколько лет назад, – заметила она.

– Из газет и бульварных листков, естественно. Да, о титулованных джентльменах пишут больше, чем о других. Могу согласиться лишь с тем, что в отчаянии был скорее мистер Олингуорт. Он страстно желал, чтобы вы могли продолжать жить так, как привыкли, и чтобы этому не помешала его болезнь. Я всего лишь намерен выполнить данное ему обещание позаботиться об этом из уважения к их с моим отцом многолетней дружбе.

– Вы? – с усмешкой переспросила она. – Из уважения? Разве может говорить об уважении тот, кто скомпрометировал двенадцать юных леди в их первый сезон!

– Конечно. Почему нет?

– Вы, кто унизил их перед родителями, друзьями и поклонниками? Кто оставил их совершенно незащищенными?

– Пусть не намеренно, но да, – спокойно согласился Рат.

– То, что вы сделали, заставило их близких усомниться в их честности, порядочности и добродетели, подвергнуть сомнению их брачные перспективы.

– Не собираюсь ничего отрицать, и уверен: вы полагаете, что у меня много и других грехов.

– Не сомневаюсь! – заявила Марлена и сразу осознала, что он принимает ее ответы как вызов, а вовсе не как оскорбление.

Да, взять верх над герцогом нелегко. Она понятия не имела, откуда взяла силу духа, чтобы открыто дерзить ему. Возможно, все дело в том, что она писала о нем: осуждала, бранила, стыдила – почти три года, а поэтому чувствует себя относительно спокойно, наконец встретившись с ним лицом к лицу. Или все дело в том, что она знала, как сильно страдала Вероника из-за тех писем, как сказались они и на Евгении. Марлена до сих пор помнила горькие слова Евгении, что общество никогда не упрекнет трех герцогов за то, что сделали, и только потому, что они герцоги.

– Я знаю: сейчас уже ничего не изменишь, – сказал Рат, – но мы не стремились никому доказать, что строгая мораль и благородные манеры, привитые юным леди с рождения, в одночасье их покинут, стоит узнать о существовании тайного влюбленного. И да, я думаю, что, когда мы обдумывали или даже претворяли в жизнь эту идею, один из нас должен был бы проявить достаточно мудрости – или хотя бы здравого смысла, – чтобы сказать: «Это плохая идея». Но никто из нас не сделал ничего подобного, и, в конце концов, оказалось, что каждая леди хотела бы иметь тайного поклонника.

– Но ни одна из них не хотела, чтобы об этом узнал весь свет!

– Мы и не думали кого-то ставить в известность. Я признаю, что пари, заключенное нами когда-то, было очень большой глупостью. Но прошло уже столько лет! И, откровенно говоря, мисс Фаст, мне уже надоело постоянно оправдываться и признавать свою вину.

Марлена опять подумала о Веронике и Евгении, о том, как это нелепое пари повлияло на их жизнь. Если бы не те письма, Вероника не вышла бы замуж за мистера Портингтона, весьма, скажем так, своеобразного джентльмена, и они с Евгенией не были бы так несчастливы.

Отбросив все эти мысли, Марлена сказала:

– Вам надоело оправдываться? Если так, то, вероятно, дело в том, что вы никогда не страдали из-за этих писем.

Герцог пожал плечами и выпрямился.

– Я прибыл сюда не для того, чтобы обсуждать мои прошлые грехи. Я здесь из-за вас. И, как ваш опекун, первое, что я намерен сделать, – это перевезти вас вместе с кухней в мой дом на Мейфэре.

– Перевезти? – Марлене показалось, что ее ударили в живот, да так сильно, что перехватило дыхание. – На Мейфэр? Вы не можете говорить это серьезно!

В ярости она дернула ленту, на которой висела шляпа: проклятая штукавина, похоже, собиралась ее задушить. Ну почему она никак не развязывается?

– Мой дом намного больше, и там достаточно прислуги.

У Марлены отчаянно забилося сердце. Уехать так далеко от Евгении? Но это невозможно! Подруга заботилась, чтобы материалы для скандального листка мисс Труф каждую неделю попадали к издателю. И если Марлена переедет, к кому Вероника обратится за утешением, когда ее супруг выкинет очередной фортель? А если Марлена не станет писать, где сестры возьмут деньги, чтобы содержать дом?

– Я не хочу переезжать! – заявила она, решив не сдаваться без боя.

– Я всего лишь пытаюсь улучшить ваши жилищные условия, мисс Фаст. Вам будет во всех отношениях удобнее жить во время сезона на Мейфэре.

Нет, она не может покинуть Сент-Джеймс. Если бы не сестры, ее жизнь была бы невыносимой. Они были нужны друг другу. Евгения и Вероника – ее подруги. Кузина старше и больше напоминает гувернантку: всегда говорит Марлене, что нужно делать и как именно. А теперь вот ей самой впервые предстоит позаботиться о ком-то – не о себе самой – и постараться не подвести тех, кто на нее рассчитывает. Она найдет выход из создавшейся ситуации, так же как в детстве находила выход из болот, лесов и со старых кладбищ.

Насколько могла припомнить, Марлена никогда не испытывала недостатка в чем-то важном, хотя, с другой стороны, и не желала многого. Ее тетя, дядя и кузены не нуждались в ней, когда она жила в их доме, а вот она в них нуждалась. Мальчишки научили ее быть сильной, решительной, а главное – храброй. Теперь ей приходилось заботиться о Евгении и Веронике, работать в саду, шить и читать. Все это ей нравилось, и она с радостью этим занималась, пока ожидала своего дебюта в обществе – без особого, впрочем, энтузиазма.

– Там вам будет удобно и комфортно и совершенно не о чем беспокоиться.

Марлена отбросила посторонние мысли, сосредоточившись на словах герцога.

– Спасибо за предложение, но я предпочла бы все оставить как есть, хотя крайне признательна за желание поселить меня в большом доме.

Герцог переступил с ноги на ногу, внимательнее вглядываясь в свою новую подопечную: по всем признакам она намеревалась стоять насмерть, – и сказал тихо, но твердо:

– Возможно, вы меня не поняли. Олингуорт позволил вам пропустить два прошлых сезона из-за своей болезни. У меня таких причин нет. Теперь я отвечаю за вас, так что, будьте уверены, очень скоро вы сделаете подходящую партию. В этом сезоне вы выйдете в свет и сможете познакомиться с самыми разными джентльменами, один из которых станет вашим мужем. Надеюсь, вам этот вариант подходит больше, чем быть моей подопечной.

– Но я этого не хочу! – воскликнула Марлена. – Во всяком случае, пока.

– Так живут все юные леди, мисс Фаст, – сказал Рат с ноткой раздражения в голосе. – И дело не только в том, что на Мейфэре вам будет лучше. Вам нужна компаньонка и тот, кто привьет правильные навыки, натаскает в нужном...

– Натаскает? – возмутилась Марлена. – Даже герцогу должно выбирать выражения, ваша светлость! Я не собака, чтобы меня натаскивать!

Рат нахмурился и потер затылок, почувствовав головную боль.

– Согласен: слово выбрано неудачно.

– Рада, что вы это понимаете.

– Видите ли, я не привык спорить с юными леди относительно того, что лучше для их будущего.

– И не надо. Большинство таковых сами знают, что для них лучше.

– Очевидно, но не вы. Вам также лучше смириться с тем фактом, что я говорю не так, как вы привыкли. У меня нет стремления ссориться с вами, в чем-то убеждать. Я всего лишь

хочу довести до вашего сведения мысль, что вам необходимо много такого, о чем я не могу позаботиться лично.

– Вот что я вам скажу, ваша светлость, – заявила Марлена. – Мистер Олингуорт уже позаботился, чтобы я получила образование во всем, что нужно. Я освоила математику, основы научных знаний, французский язык, игру на фортепиано, умею вести хозяйство и много всего другого. Короче говоря, я изучила все, что он требовал. И меня больше не надо натаскивать.

К ее немалому удивлению, выражение лица герцога смягчилось. На его губах появилась необычайно привлекательная улыбка, и по непонятной причине Марлена успокоилась, да и гнев куда-то исчез.

– Прекрасно, – сказал Рат, но, судя по скептическому выражению его лица, не поверил ей. – Пусть вам больше не нужны уроки: это очень даже хорошо, – но нужно многое другое, прежде чем вы сделаете реверанс перед королевой, дебютируете и войдете в общество. Вы должны познакомиться с нужными светскими дамами, которые обеспечат вам приглашения на балы, вечеринки и прочие мероприятия сезона, что предстоит посетить юной леди, если хочет найти мужа. Вам нужны новые туалеты, перчатки и всякие модные аксессуары, которые юные леди носят на балах. Я ничего в этом не понимаю, но найду для вас даму, которая сделает для вас все необходимое.

На это Марлене нечего было возразить: герцог сказал правду. У нее не было связей в высшем обществе, а знакомства Джастины ограничивались довольно узким кругом лиц. У Марлены не было также подходящей одежды и драгоценностей, в которых можно было бы появиться на балу. У нее никогда не возникало необходимости в шелковых платьях или бархатных ридикюлях. Ей не нравились непрактичные жесткие огромные шляпы, которые больше некуда надеть. Она предпочитала соломенные шляпки, удобные и легкие, а какие-нибудь ожерелья или колье на шее определенно будут мешать работать в саду. К дорогим тонким тканям она тоже не привыкла: надо все время следить, как бы за что-нибудь не зацепиться и не порвать, и очень аккуратно стирать.

– Итак, особой радости оттого, что я ваш новый опекун, вы не испытываете, – заключил герцог.

– Это еще мягко сказано, ваша светлость, – буркнула Марлена, не желая мириться со своим новым положением – подопечной герцога Ратберна.

– По правде говоря, – усмехнулся Рат, – я бы тоже хотел, чтобы все сложилось иначе.

– Не уверена, что для меня это очевидно.

– Тогда позвольте объяснить: неважно, по какой причине я принял на себя эту ответственность, но это произошло, а значит, теперь я должен о вас позаботиться. И лучше вам с этим смириться, поскольку ничего не изменится, пока вы не выйдете замуж.

– Хорошо бы, это произошло поскорее, – проворчала Марлена.

– Да, чем быстрее, тем лучше, – согласился герцог.

– Ну хоть в чем-то мы пришли к единому мнению.

– Вот и хорошо. Вы не можете не понимать, что вам чертовски повезло – оказались под опекой герцога.

Они несколько минут молча сверлили друг друга взглядами.

Марлену ошеломило заявление герцога, и, похоже, его самого – тоже. Если он искал способ прекратить затянувшийся спор между ними, ему определенно это удалось. Марлене нечего было возразить: не станешь же отрицать, что покровительство герцога дает множество преимуществ. Все, что он говорил, правильно. Точнее, было бы таковым, если бы на ее месте оказался кто-нибудь другой.

– И вот еще что: привыкайте, что иногда я могу и выругаться в вашем присутствии, – сообщил Рат.

– И почему это меня не удивляет? – усмехнулась Марлена.

– Судя по всему, нам обоим предстоит договориться по многим вопросам, но одно останется неизменным, мисс Фаст: я отвечаю за вас, а не наоборот. Знаю, вы считаете меня неподходящим опекуном, но никогда бы не подумал, что вы предпочтете спастись бегством, когда вам бросили вызов.

– Как вы сказали? «Спастись бегством»?

Марлена ахнула и сразу почувствовала, как к ней вернулся боевой дух. Если ей придется принять герцога в качестве опекуна, значит, так тому и быть. Она сделает это, но на своих условиях.

– Ни при каких условиях я не стала бы спастись бегством. Потребуется куда более страшный зверь, чем вы, ваша светлость, чтобы обратить меня в бегство. Я готова дебютировать в приближающемся сезоне, но выбирать мужа буду сама и жить останусь здесь. Я в этом доме уже три года, привыкла, знаю всех соседей. Они хорошие люди. Кроме того, в соседнем доме живет мой близкий друг. Мое сердце будет разбито, если придется уехать.

Герцог недовольно прищурился.

– У вас есть любовник?

– Конечно, нет! Но я не удивлена, что вы подумали именно об этом. Для меня очень важна дружба с Евгенией Эверард. Ее мать умерла, когда она была еще ребенком, а отец – несколько лет назад. Она живет с сестрой Вероникой и ее мужем, и в силу некоторых обстоятельств мне нужно всегда находиться поблизости.

– Хорошо, будь по-вашему! – досадливо пробормотал Рат. – Если это все ваши условия. Возможно, так даже лучше: поскольку я живу всего лишь через улицу отсюда, мне будет удобно заезжать к вам и проверять, все ли в порядке.

– Вы живете в Сент-Джеймсе? – удивилась Марлена: услышанное шокировало ее.

– Нас называли сент-джеймскими повесами, если вы помните, мисс Фаст, – ехидно ответил герцог. – Мне нравится жить в этом доме, хоть он и немного меньше мейфэрского, а там, как правило, живут мои гости, когда приезжают в Лондон.

– Да, мне следовало знать, что у герцога может быть не один городской дом.

Не говоря больше ни слова, Ратберн сделал шаг вперед, сократив и без того очень небольшое расстояние между ними, и носки его сапог коснулись подола ее платья. Марлена даже ощутила тепло, исходящее от его мощного тела.

Не успев издать ни звука или хотя бы вздохнуть, она почувствовала, как пальцы герцога коснулись ее руки, и обнаженную кожу словно обожгло. Она бы, наверное, не удивилась, если бы его губы даже накрыли ее рот. Вместо этого она ощутила прикосновение теплых пальцев к подбородку. Герцог не смотрел ей в глаза, пытаясь развязать узел на ленте ее шляпы.

Марлена понимала, что должна бы испытывать дискомфорт, но охватившее ее чувство не было страхом. Это было что-то иное, более тревожное. Притяжение?

Она оказалась во власти странных, совершенно необъяснимых ощущений, и никак не могла разобраться, что происходит. Он ее не душил, но дышать она не могла. Он не причинял ей никакого беспокойства, но она дрожала. Ей не было больно, но изнутри грызла тревога, ее охватило мучительное томление, и она не могла его ни описать, ни объяснить.

– Что, по-вашему, вы делаете? – пробормотала Марлена, не в силах поднять на него глаза.

– Целую вас, конечно: безумно и страстно, – ответил герцог, продолжая распутывать узел.

Марлена наконец изумленно взглянула на него. Герцог улыбался с совершенно невинным видом, и на какое-то мгновение ей показалось, что он говорит серьезно.

– Это нелепо! Как вы смеете такое говорить? Это возмутительно! – с немалым трудом вернув себе здравый смысл, воскликнула мисс Фаст. – Вы ничего подобного не делаете и знаете это. При чем здесь поцелуй, если вы развязываете узел на моей шляпке, хотя и это неприлично?

Рат опять сосредоточил свое внимание на неподдающемся узле.

– Если знаете, зачем спрашивать?

Марлена ничего не могла ответить, да и вообще утратила способность соображать, оттого что герцог находился так близко, что кончики пальцев касались ее шеи. Чувства, которые она испытывала, обескураживали – она не понимала, что с ней.

– Думаю, я хотела сказать не «что», а «почему», – выговорила она с трудом.

Герцог продолжал возиться с узлом.

– Потому что вы, пребывая в столь сильном волнении – не дай бог, конечно! – можете удушить себя.

– С чего вы взяли, что я волнуюсь?

– Не сомневаюсь, что у вас есть на то причины.

– Как бы то ни было, я спокойна.

– Полагаю, узел так запутался из-за вашей беспрестанной болтовни, – сказал Рат, решив больше не спорить, чего не скажешь о Марлене.

– Вы делаете какие-то странные заявления, ваша светлость! При чем здесь моя болтовня?

– Вы постоянно дергаете ленту, и от нее у вас на шее уже появилась красная полоса.

Марлена попыталась отстраниться, но герцог повысил голос:

– Стойте спокойно! И ваше молчание тоже было бы очень кстати. Я уже почти развязал его, так что через несколько секунд сможете дышать нормально.

Марлена вовсе не была уверена, что когда-нибудь обретет способность дышать нормально после его прикосновений. Она опустила глаза и уставилась на широкую грудь герцога, коричневый стеганный жилет с обтянутыми такой же тканью пуговицами, который сидел на нем как влитой. На теле у герцога не было, похоже, ни унции жира – сплошь мышцы.

Девушка очень старалась стоять спокойно, но это было невозможно, так что несколько раз она переступила с ноги на ногу, опустила руки, сцепила перед собой, потом за спиной и, в конце концов, скрестила на груди. Герцог требует от нее слишком многого! Неужели не понимает, что еще никогда в жизни мужчина не подходил к ней так близко? Если он провозится еще немного, она вполне может сделать что-нибудь возмутительно неподобающее... к примеру, начнет перевязывать его шейный платок.

Когда наконец его руки замерли, Марлена подняла глаза, и взгляды их встретились. В гостиной повисло напряженное молчание, но Марлена не знала, что сказать. Да и нужны ли здесь слова?

Ее шляпа упала на пол, но его пальцы все еще касались шеи – теплые, сильные, нежные. Это было удивительно приятно. Почему он не отодвигается? А почему не отодвигается она?

Как и в тот момент, когда герцог вытер платком грязь с ее щеки, по телу пробежала волна дрожи – интригующая, завораживающая. По причинам, которые Марлена не понимала, ей захотелось остановить время. Предвкушение чего-то нового – она не могла описать это словами – возникло где-то в глубине ее естества и стало быстро разрастаться внутри. Она не могла остановить то, что происходило между ними, да и не хотела.

Теплые пальцы герцога скользнули по ее шее, ладонь легла на затылок, лицо приблизилось к ее лицу. Марлена инстинктивно уставилась на его губы и слегка приподняла подбородок.

– Марлена, смотри, что я принесла! – нарушил волшебство момента женский голос.

Она обернулась: в комнату вошла Евгения с охалкой книг и замерла на месте, увидев подругу рядом с мужчиной. За ней с оглушительным лаем в комнату вбежал Тат и принялся носиться вокруг гостьи и прыгать, требуя внимания.

Смущенная и сбита с толку, Евгения проигнорировала песика и пробормотала:

– О, прошу прощения. Я не вовремя?

Щеки Марлены стали пунцовыми. Хоть Евгения и прижимала книги к груди, было понятно, что герцог легко может прочитать заголовки – если пожелает, конечно. Ну что за

невезение! Почему Евгении нужно было прийти именно в этот момент! Неужели судьба еще не устала испытывать ее на прочность?

Что же делать? Евгения принесла экземпляры брошюры Гоноры Труф «Мудрые советы юным леди», и герцог Ратберн с интересом смотрел прямо на них. Марлене срочно нужно было чудо.

Глава 3

Вы можете подумать, что он всего лишь хочет коснуться вашей руки, а он пытается добраться до самого сердца.

Мисс Труфф

– Нет, что ты, Евгения, не говори глупости! – поспешно воскликнула Марлена. – Конечно же, входи. Герцог всего лишь помог мне развязать ленту шляпы.

Поискав глазами шляпу, к своему немалому ужасу, она отметила, что та валяется на полу довольно далеко от места, где они с герцогом стояли.

Она хоть и сказала Евгении чистую правду, но при этом чувствовала себя виноватой, и дело даже не в том, что позволила герцогу распутать этот проклятый узел. Ей надо бы поблагодарить свою счастливую звезду – если таковая имеется где-то на небесах – за то, что их застала подруга, а не кузина.

Как она допустила, что герцог оказался к ней так близко?

«Все дело в том, что он повеса и знает, как соблазнить невинную леди».

Ей следовало бы возмутиться, но она, несмотря на соображения здравого смысла, стояла как бесхребетная дурочка, позволив ему ужасные вольности. А все потому, что ощущения, которые она при этом испытала, оказались ошеломляющими, и ей хотелось испытать их опять.

– Ты сказала, что он герцог? – тихо спросила Евгения.

Встревоженный взгляд ее голубых глаз метался между подругой и привлекательным джентльменом, спокойно стоявшим посреди комнаты и бесстрастно наблюдавшим, как она прижимает к груди наглядные свидетельства тайных деяний Марлены.

Тем временем песик воспользовался ситуацией: подбежал и принялся скрести передними лапами сверкающие сапоги, оставляя следы от острых коготков на прекрасно выделанной коже, – но герцог, судя по всему, даже не заметил его, с увлечением наблюдая за дамами.

– Да, – пролепетала Марлена, непроизвольно дотронувшись до того места, которого только что касались мужские пальцы, отчего ее сердце забилось гулко и тревожно. – Понимаешь, у меня возникла проблема с лентой на шляпке: запуталась, – и я никак не могла развязать узел. Я дергала ее, дергала, но узел, похоже, только больше затягивался, стало трудно дышать, даже на коже появилась полоса, вот и...

– Мисс Фаст, – прервал это плетение словес герцог. – Быть может, вы оставите долгие объяснения на потом, а сейчас просто нас представите?

Марлена повернулась к нему, отчаянно надеясь, что ему хватит благоразумия помочь ей, а не усугублять ситуацию. Рат наклонился, поднял шляпу и положил ее на стол рядом с нераспечатанным конвертом от мистера Олингуорта.

Благодарная за передышку, она послала герцогу признательный взгляд и проговорила:

– Конечно, ваша светлость. Позвольте представить вам мисс Евгению Эверард, мою близкую подругу. Евгения, это герцог Ратберн.

Подруга попыталась сделать реверанс, отступила на шаг, но в этот момент книги выпали у нее из рук и с шумом разлетелись по полу. У нее от страха закатились глаза, и, не издав ни звука, девушка рухнула на пол.

Тат с лаем кинулся к ней; Марлена ахнула; герцог тихо выругался, а потом оба, обменявшись взглядами, не сговариваясь, бросились на помощь несчастной.

– Евгения!

Марлена опустилась на колени рядом с подругой.

– Мисс Эверард!

Герцог занял место с другой стороны и легонько встряхнул девушку за плечи.

Тат завыл, но Марлена прикрикнула на него, и он недовольно заворчал.

Лежавшая на полу подруга была бледна как бумага, но, похоже, дышала. С облегчением Марлена заметила, что ресницы ее дрогнули, она чуть пошевелила головой и, словно в бреду, пробормотала:

– Он... пришел. Не дай ему... забрать нас.

В этот момент Марлена с ужасом осознала простую истину: Евгения, так же как и она сама поначалу, решила, что герцог явился сюда, чтобы покарать «мисс Труф» и ее помощников. Надо что-то срочно предпринять, чтобы Евгения ненароком не выдала тайну.

– Все в порядке, – проговорила она медленно. – Ты меня слышишь? Все хорошо. Беспокоиться не о чем. Герцог не причинит нам вреда.

Ратберн поморщился.

– Что вы сказали? Это же полная ерунда! Я что, дал вам повод считать меня чудовищем?

– Конечно, нет! – заверила его Марлена, прилагая все усилия, чтобы выглядеть спокойной. – Просто Евгения испугалась, услышав ваше имя, и мне хотелось ее успокоить.

– Мое имя? – удивился Рат. – С какой стати она решила, что я могу ей навредить?

– Возможно, я проявила излишнюю осторожность, но мне не хотелось, чтобы она переживала.

– Ей необходима нюхательная соль, – заявил герцог и обвел взглядом комнату, словно пытался ее обнаружить. – Обычно помогает дамам прийти в себя.

– Боюсь, у нас ее нет. Если поможете довести ее до дивана, уверена: ей станет лучше.

Герцог кивнул и, вместо того чтобы помочь Евгении встать и дойти до диванчика, подхватил ее на руки и легко, словно она ничего не весила, понес через комнату.

Ресницы девушки дрогнули, она открыла глаза и огляделась, но тут ее затуманенный взгляд наткнулся на лицо герцога, и она опять лишилась чувств.

– Проклятье! – выругался Рат, осторожно опуская девушку на маленький диванчик.

Тат тут же запрыгнул следом, свернулся в клубок рядом с Евгенией и воинственно тявкнул.

Марлена с тревогой смотрела на подругу. Слава богу, Евгения не вполне пришла в себя и пока не задала никаких вопросов, которые могли бы раскрыть их тайну.

– Что это с ней? – в недоумении спросил герцог, выпрямившись. – Она часто падает в обморок?

– Нет, конечно. Возможно, она и не обладает особо крепким здоровьем, но в таком состоянии видеть ее мне еще не приходилось.

Евгения что-то пробормотала. Опасаясь, как бы подруга сгоряча не сболтнула лишнее, когда полностью придет в себя, Марлена слегка переместилась, чтобы оказаться между нею и герцогом, и, расправив плечи, заговорила с апломбом, которого не чувствовала:

– Лучше бы вы сейчас покинули нас, предоставив мне возможность позаботиться о ней, ваша светлость.

Рат несколько мгновений всматривался в лицо Марлены, потом с недоумением уставился на Евгению.

– Не знаю, что ее так напугало, но я не собираюсь никому вредить.

– Конечно. Рискну предположить, что ее обморок никак не связан с вами.

– Я не могу оставить вас с ней наедине, мисс Фаст, – хмуро заметил герцог. – Если она больна, ей нужен доктор.

– Чепуха! – возразила Марлена, из последних сил стараясь сохранить самообладание, чтобы не показать, что с радостью вытолкала бы его за дверь. – Миссис Додл окажет мне помощь, если потребуется, да и кухня скоро спустится. Поверьте: теперь, когда вы подняли Евгению с пола, я справлюсь. Спасибо. Поверьте, я вам очень благодарна.

– Тогда мне действительно лучше уйти. Думаю, она быстрее придет в себя. Похоже, у этой юной леди необычайно хрупкое здоровье: мне еще не доводилось видеть, чтобы кто-то дважды всего за минуту лишился чувств.

Марлена тоже таких не встречала, но в отличие от него понимала, что происходит. Евгения действительно испугалась кары за их дела, решив, что герцог явился за ней.

– Уверена: все дело в том, что она первый раз в жизни говорила с герцогом. Девушка совсем еще юная, едва исполнилось восемнадцать. Думаю, с ней все будет в порядке. Если бы у меня имелись какие-то опасения, поверьте, я непременно попросила бы вас послать за доктором.

Ратберн явно колебался, и в какой-то момент Марлене показалось, что он не согласится с ней, но, в конце концов, услышала:

– В таком случае, пожалуйста, передайте кухне мои извинения. Я непременно зайду на днях, чтобы познакомиться с ней.

– Да, так будет лучше. Я провожу вас.

– Нет, мисс Фаст. Не оставляйте вашу подругу без присмотра. Я найду дорогу. – И он кивнул, прощаясь.

Марлена напряженно наблюдала, как герцог прошел мимо Евгении и направился к двери, но только собиралась с облегчением вздохнуть, как он остановился. Она проследила за его взглядом и убедилась, что он смотрит на разбросанные по полу брошюры, а через мгновение наклоняется, чтобы их собрать.

– Нет-нет, ваша светлость! – Марлена бросилась к герцогу и рухнула на колени, стараясь закрыть их собой. – Вам не пристало этим заниматься. Я сама все подниму.

Она потянулась за брошюрами, которые уже были у него в руках, их пальцы соприкоснулись, и Марлену захлестнула теплая волна. Их взгляды встретились. Сердце забилося чаще. Она отдернула руку, прижала к животу и для верности накрыла другой рукой, словно хотела скрыть восхитительное, но тревожное чувство, охватившее ее. Ее лицо, а затем и шея, стали пунцовыми.

– Мне не трудно, мисс Фаст. Мой отец все время повторял, что я редко веду себя как джентльмен, и был прав. Мне предоставился случай это исправить.

Герцог отдал ей брошюры, которые уже держал в руках, и стал собирать остальные.

– Зачем мисс Эверард купила так много одинаковых книг? – спросил в недоумении герцог, передавая брошюры Марлене.

– Для нашего книжного общества, – выпалила та, не в силах придумать ничего более оригинального.

В действительности она понятия не имела, зачем Евгении столько книг. Она знала, что мистер Траут, владелец издательства, обещал им несколько бесплатных авторских экземпляров, но считала, что речь идет о двух-трех брошюрах, ну максимум о полудюжине.

Подобрав последнюю книжицу, он внимательно осмотрел обе обложки, включая их тыльную часть, словно ожидал увидеть что-то особенное, и заметил:

– Я думал, книжное общество интересуется чем-то более серьезным, чем подобное бульварное чтиво, которое не дает никакой пищи для ума.

Марлена нахмурилась, почувствовав себя оскорбленной до глубины души, и расправила плечи. Ей хотелось возразить ему, признаться, как непросто собрать в книгу мудрые изречения и советы относительно таких безнравственных людей, как он. Ведь что она знает о распутниках и негодях всякого рода, которые не уважают нежные чувства юных леди? Да и о мужчинах вообще, если на то пошло? Абсолютно ничего.

Она поговорила с Вероникой, Джастиной и другими дамами, которые занимались вместе с ней шитьем и чтением, узнала их точки зрения на сей счет, но все равно много ночей провела

без сна, пытаясь представить, как джентльмен должен вести себя в присутствии юной леди, чтобы та сразу распознала, кто перед ней.

Еще ей хотелось сказать герцогу, что брошюра могла стать книгой, если бы она встретила его раньше. У нее не было сомнений в том, что, если бы провела она еще пару часов в его обществе, ей хватило бы материала как минимум на еще одну такую же брошюру, причем началась бы она с фразы: «Если всякий раз, когда мужчина смотрит на вас, сердце начинает трепетать, вы влюбились, но берегитесь: он вполне может оказаться распутником».

Тем не менее ей пришлось отбросить все эти мысли и лишь сказать:

– Если кто-то и может совершить безрассудство, принимая знаки внимания негодяя, так это невинная юная леди, которая никогда не была в обществе мужчины. Нам необходимы советы опытных дам, чтобы не оказаться в губительных обстоятельствах.

– Значит, вы тоже приверженка столь низкопробного чтения? – удивился герцог, и в глазах его блеснули смешинки.

– Иногда читаю, – смущенно призналась Марлена, – так же как труды по истории и астрологии, поэзию. Я могу назвать множество тем, которые мы обсуждаем. В нашем книжном обществе у всех разные вкусы.

– Могу себе представить.

– Думаю, это всего лишь один из способов развлечения для лондонского общества наряду с театром, оперой, карнавалами в парках и сплетнями.

– Полагаю, вы правы: кого-то подобная писанина развлекает, – в противном случае ее не стали бы читать.

Герцог продолжал смотреть на брошюру, и Марлена тоже не сводила с нее глаз. Название и имя автора были написаны красивыми вдавленными буквами на светло-коричневом фоне. Книжица была хоть и тонкой, но в отличном переплете и выглядела весьма элегантно. Марлена почувствовала глубокое удовлетворение и улыбнулась, вполне довольная своей работой.

Герцог все еще рассматривал книжицу, и Марлена не смогла справиться с любопытством.

– Вам что-нибудь известно о ней?

– Не берусь утверждать, хотя, кажется, вчера кто-то что-то говорил. Вроде бы это новая публикация некой мисс Труф, которая пишет для «желтых» газетенок.

Марлена с трудом сдержалась, чтобы не возразить, и лишь кивнула.

– Я не читал, – задумчиво листая страницы, сказал герцог, – но, возможно, прочитаю.

– Зачем это вам? – поинтересовалась Марлена и быстро добавила: – К чему герцогам бульварное чтение, предназначенное леди?

Ратберн пожал плечами, с трудом сдерживая смех:

– Знания не бывают лишними, мисс Фаст. Не исключено, что и мне полезно узнать, как распознать распутника.

– Для этого не надо ничего читать, ваша светлость. Смею предположить, что вам достаточно взглянуть в зеркало.

Больше он сдерживаться не мог и расхохотался.

– А вы остроумны, мисс Фаст!

Марлена не могла не улыбнуться в ответ. Похоже, ему и правда понравилось ее дерзкое замечание, а ей очень понравились смешинки в его глазах, которые изменили его до неузнаваемости. Но об этом она ему не скажет. Ни за что.

– Думаю, вы считаете, что эта книга не имеет к вам никакого отношения, ваша светлость.

– Если обществу за столько лет не удалось навесить на меня этот ярлык, то вам, мисс Фаст, понадобилось всего несколько минут. Но мне все же хотелось бы знать, как, по мнению дам, мужчины становятся распутниками.

Он пролистал несколько страниц и прочитал вслух случайно выбранную фразу:

– «Если джентльмен предпочитает верховые прогулки с друзьями катанию с вами, то скорее всего он повеса». – Герцог поднял глаза на Марлену в полном недоумении. – Все молодые люди увлекаются лошадьми, имеют друзей и ухаживают за дамами. Не понимаю. Разве нельзя эти развлечения совмещать?

– Я уверена: автор имел в виду, что если джентльмен ухаживает за юной леди, то должен уделять внимание только ей, а не увлекаться верховыми прогулками, охотой, карточными играми и прочими удовольствиями, которым так любят предаваться повесы.

На красивом лице герцога было написано искреннее удивление и любопытство. Хмыкнув, он полистал книжицу и наугад прочитал еще одну фразу: «Если свидания проходят под надлежащим контролем, то мужчина, который на них приглашает, настоящий джентльмен». Повертев книгу в руке, Ратберн посмотрел на Марлену:

– Вы позволите?

Она насторожилась. Он что, хочет это читать? То, что написано фактически про него самого и двух его друзей? Впрочем, что она могла ответить?

– Конечно, ваша светлость, пожалуйста, берите. Как видите, их у меня много, так что на всех хватит.

Евгения что-то пробормотала, Марлена дернулась к ней, и герцог поддержал ее за локоть, чтобы не уронила брошюры. И опять по телу разлилось тепло. Его рука оказалась сильной и надежной. Ей следовало бы держаться подальше и избегать его прикосновений, но очень уж приятными они были.

– Я верну ее.

– В этом нет никакой необходимости. Можете не беспокоиться, ваша светлость.

– Никакого беспокойства. Мне непременно нужно познакомиться с вашей кухней, да и вообще я буду время от времени заезжать, чтобы справиться, как у вас дела. А теперь займитесь подругой. Не провожайте, я найду выход.

Марлена проводила герцога взглядом, не в силах понять, почему так реагирует на него. Возможно потому, что она слишком долго писала о сент-джеймских повесах? Услышав, как хлопнула входная дверь, она сложила брошюры на стул и присела на диван рядом с Евгенией.

– Что со мной? – приподняв голову и оглядев комнату, слабым голосом спросила подруга.

– Только не пытайся встать: может закружиться голова. Ты упала в обморок.

Не было никаких причин расстраивать Евгению еще, и Марлена не стала сообщать, что это произошло дважды.

– Как ты сейчас себя чувствуешь?

– Кажется, нормально. – Евгения прижала дрожащую руку ко лбу. – Не знаю. У меня какое-то странное ощущение. Нечто подобное случилось, когда умер папа и я узнала, что мне придется жить с Вероникой. Тогда мне было всего восемь, но я помню.

– Ты потеряла сознание, услышав о смерти отца?

– Нет. Тогда я была уверена, что это не может быть правдой. Папа не мог умереть. – Она огляделась. – Как сейчас. В комнате, когда я вошла, вроде был джентльмен, и ты сказала, что это герцог Ратберн. Но это же неправда. Здесь никого нет.

– Хотела бы я заверить тебя, что так и есть, но герцог действительно здесь был.

Евгения вздрогнула и приподнялась на локтях.

– Где же он? Пошел за стражей?

– Просто ушел, так что успокойся, – сказала Марлена, услышав в голосе подруги откровенную панику. – Все хорошо.

– Тогда зачем он приходил? Ему что, все известно? Он вернется? – Она снова опустила голову на подушку.

– Не волнуйся, все в порядке. – «Во всяком случае пока». – Я абсолютно уверена, что он ничего о нас не знает.

– Когда ты назвала имя, – сказала Евгения, – я решила, что меня сейчас закуют в кандалы, посадят в тюремный фургон и увезут.

– Признаюсь честно, эта мысль посетила и меня, когда он явился в наш дом, – невесело усмехнулась Марлена. – Но, поверь, герцог понятия не имеет, что мисс Гонора Труф – это я, а ты еженедельно доставляешь материалы мистеру Трауту.

– Я всегда знала, что это не для меня, – вздохнула Евгения.

– Чепуха! – возразила Марлена. – О чем ты говоришь? Мы занимаемся этим уже три года, и никто ни о чем даже не подозревает.

– Нам просто повезло, – обдумав ее слова, глубокомысленно изрекла подруга и, сделав паузу, добавила: – А этот герцог просто красавец.

«И это еще далеко не все».

– Но мы должны и дальше относиться к нему как к причине несчастливого замужества и периодических приступов тоски твоей сестры, – напомнила Марлена.

– Об этом я никогда не забуду. А зачем он сюда явился?

– По совершенно другой причине: потом расскажу. А теперь вот что: зачем мистер Траут выдал тебе так много экземпляров моей брошюры? Я сама едва в обморок не рухнула, когда увидела, какую кипу ты несешь.

– Не знаю. Все это принесла горничная мистера Траута без всяких объяснений.

– Думаю, это для того, чтобы как можно больше читателей о ней узнали: вырастут про-
дажи.

Евгения нахмурилась.

– А это не значит, что книга плохо продается?

– Она появилась в магазинах всего неделю назад! – возразила Марлена. – Пока рано делать выводы. Мистер Траут говорил, что мой скандальный листок весьма популярен, а потому все, кто его читает, захотят приобрести и брошюру.

Евгения улыбнулась и села.

– Ты права. Не знаю, почему я так разволновалась.

– Это вполне естественно. Давай немного подождем, а если уж не начнут покупать, тогда и станем беспокоиться.

– Конечно. А теперь скажи, зачем приходил герцог Ратберн, если не с целью арестовать нас? – Она вдруг замолчала, и глаза ее испуганно округлились. – Ты же не думаешь, что он узнал о мистере Браммуэле?

– Нет-нет! – поспешила возразить Марлена. – Ты сама себя накручиваешь! Еще немного – и опять свалишься в обморок. Герцог не робкий юноша: если бы что-то узнал, то не ушел бы, не прояснив ситуацию. Да и откуда он мог что-то узнать?

– Ну, до него могли дойти слухи, что это мистер Браммуэл распустил сплетни в «Уайтсе».

– Вряд ли, – подумав, сказала Марлена. – Мистер Браммуэл скорее всего не возвращался в «Уайтс». Портингтон не оплачивал его счета два года, так что, вероятнее всего, его туда просто не пустят до тех пор, пока не рассчитается с долгами.

– Если рассчитается, – буркнула Евгения.

Марлена согласилась с подругой: такая перспектива не представляется вероятной, учитывая, сколько денег муж Вероники тратит на свои окаменелости и прочие экстравагантные покупки.

– Ты же не думаешь, что мистер Браммуэл ему скажет? – совершенно спокойно уточнила Евгения.

– Нет, разумеется: он же тем самым обвинит сам себя, да и не захочет, чтобы мы попали в беду.

– Никогда! Он очень интеллигентный и заботливый джентльмен, и всегда так добр ко мне! – Глаза Евгении стали мечтательными, а на губах появилась грустная улыбка, но почти сразу исчезла. – Он хотел бы иногда навещать меня, но Вероника не разрешает.

Вот уже несколько месяцев Евгения заговаривала об этом, но Марлена знала, что ее кузина никогда не согласится.

– Она просто заботится о тебе – как умеет, – поскольку уже давно не только твоя сестра, но и мать.

– Как бы я хотела, чтобы она оставалась лишь сестрой.

Марлена могла бы сказать подруге, что у нее тоже есть тайные желания. Ей очень хотелось бы иметь сестру, о которой она могла бы заботиться, а еще – чтобы дядя Фергус и тетя Имоджин не уехали вместе с сыновьями в Америку, оставив ее с мистером Олингуортом. И чтобы мистер Олингуорт внезапно не отправил ее в Лондон к кузине, которую она никогда не видела.

Чтобы не смущать подругу, она, конечно же, молчала. Ее всю жизнь бросали, от нее отказывались, но она справилась: научилась выживать, приспосабливаться к любой обстановке независимо от того, кто ее опекал.

Мысли Марлены прервала Евгения, поднявшись с дивана и в раздумье заметив:

– Не могу поверить, что здесь действительно был герцог. Если ему ничего про нас не известно, то зачем он явился?

Марлена сложила руки на коленях.

– Хотя и непросто свыкнуться с этой мыслью, но придется. Он мой новый опекун.

Евгения, совершенно ошарашенная, плюхнулась на диванчик.

– Опекун? Как такое возможно? Неужели мистер Олингуорт...

– Нет-нет, – поспешила заверить ее Марлена, – он жив, но очень болен, поэтому и решил передать ответственность за меня герцогу Ратберну, отец которого был его старым другом.

Марлена с грустью подумала о добром джентльмене, который всегда во всем ей потакал и позволял вести ту же вольготную жизнь, что у нее была с тетей, дядей и племянниками. Он заботился о ее образовании и не делал различий между ней и родными детьми. Те немногочисленные требования, которые он к ней предъявлял, были легковыполнимы. Сначала занятия, включая рукоделие и игру на фортепиано, потом все остальное, в том числе и работа в саду, откуда следовало вернуться в определенное время, чтобы успеть привести себя в порядок и переодеться к ужину. А еще, прежде чем лечь спать, она в течение часа играла с ним в шахматы или читала. Вот и все, и это не было ей в тягость.

Марлена сглотнула неожиданно застрявший в горле ком. Вскоре после ее рождения до их поместья докатилась эпидемия лихорадки и унесла почти всех его обитателей, включая родителей. Ее саму спасло то обстоятельство, что отец предусмотрительно отправил малышку с няней в дом своего брата, где они и жили, пока тот не женился вторично. Тогда ее взяли к себе тетя Имоджин и дядя Фергус. Она никогда не забудет жизнь с ними, равно как и то, что общение с мальчишками сформировало ее как личность.

К ее огромному разочарованию, когда ей было десять лет, дядя сказал, что она должна переехать к мистеру Олингуорту, потому что семья переезжает в Америку. Он считал, что они не имеют права увозить ее с родины. Она должна получить хорошее образование и воспитание, чтобы, повзрослев, могла сделать хорошую партию. Марлена не поняла, почему они не берут ее с собой и почему ей необходимо остаться в Англии, но приняла это: выбора все равно не было.

Когда здоровье мистера Олингуорта стало ухудшаться, он связался с одной из кузин Марлены, значительно старше ее, о которой она никогда ничего не слышала. И это было вовсе не удивительно: у одного из братьев ее отца было девять детей от трех жен. У Марлены имелось множество кузин и по отцовской, и по материнской линии, но она их почти не знала. Джастина к тому времени овдовела, поэтому ничего не имела против переезда сестры в ее дом и была

готова подготовить девушку к дебюту в обществе, как только мистер Олингуорт окажется в Лондоне.

Но он так и не приехал. Здоровье мистера Олингуорта все ухудшалось, и дебют Марлены откладывался вот уже два года. Ее это совершенно не угнетало; огорчало лишь то, что опекун не разрешал ей навестить его, сколько ни просила.

– Что ты намерена делать со своим листком? – спросила Евгения.

Взглянув на подругу, Марлена тихо ответила:

– Не знаю.

В мечтательных глазах Евгении появилась тревога.

– Ты должна прекратить его писать.

– Я еще не решила.

– Помню, ты собиралась бросить это дело после первого сезона, но мистер Траут отговорил тебя и даже предложил увеличить гонорар, чтобы ты продолжила работу.

– Меня его предложение устроило.

– Только потому, что нам очень нужны эти деньги. Мы это знаем.

– Это лишь одна из причин, – возразила Марлена, но, почувствовав укол совести, сдалась. – Ладно. Возможно, сначала так и было. Да, я хотела вам помочь: друзья должны помогать друг другу, – но вместе с тем (мне трудно это объяснить) всегда существовал некий блуждающий огонек, неуловимая, недостижимая цель, от которой я не могла отказаться.

– У тебя хорошо получается описывать слухи и сплетни, – улыбнулась Евгения.

– Я стараюсь: всегда самым тщательным образом изучаю все, что слышу, и обдумываю каждое слово. Хочется, чтобы всем, кто читает мой скандальный листок, он нравился и никому не причинял вреда.

– За исключением трех повес, – серьезно добавила Евгения.

Марлена сжала губы, подумав о красавце герцоге. Он очень удивил ее, признавшись, что не проявил никакого любопытства и не расспросил о ней мистера Олингуорта. Возможно, ему так же неинтересны и остальные аспекты ее жизни, включая «мисс Труф».

– После сегодняшней встречи с герцогом, – сказала Марлена, – мне представляется, что он считает мой листок назойливой пчелой, от которой не может отмахнуться.

– Это хорошая новость! – засмеялась Евгения.

– Мистер Траут утверждает, что получает много хороших отзывов. Между тем ты понимаешь, что я не смогу продолжать писать, если Вероника не станет посещать разные светские мероприятия и рассказывать мне обо всем, что слышала. Джастина, конечно, тоже, но она по большей части говорит о себе.

– Вероника действительно приносит множество сплетен, – согласилась Евгения. – Вероятно потому, что всегда ведет себя очень тихо и в основном молчит. Большинство ее просто не замечают. Как бы мне хотелось, чтобы она была счастлива с мистером Портингтоном!

Между тем отношения у этой пары были таковы, что ни Марлена, ни Евгения не могли помочь.

– Мы обе думали, что небольшая месть распутникам поможет Веронике избавиться от отчаяния и депрессии.

Кузина время от времени посещала кое-какие мероприятия, полностью от светской жизни не отказалась, как поступил ее супруг, лишившись членства в «Уайтсе». Она не нашла способа излечить его от маниакальной привязанности к артефактам и окаменелостям, и возлагала вину за свое поспешное и несчастливое замужество с мистером Портингтоном, который был вдвое старше ее, на сент-джеймских повес.

Вероника была одной из юных леди, дебютировавших в том самом году, когда распутники заключили то злосчастное пари с письмами от тайных поклонников. Общество пришло в смятение, когда выяснилось, что двенадцать юных леди приняли письма всерьез и ускольз-

нули от родителей и компаньонов для встречи с обожателями. Им пришлось впоследствии убедиться, что это была всего лишь злая шутка: так развлекались сент-джеймские повесы. Ни у одной из леди в действительности никаких поклонников не было.

Приступы глубочайшей депрессии у Вероники и стали причиной, побудившей Марлену заняться описыванием скандалов. Поселившись по соседству, она узнала, что кухня оказалась в безнадежной ситуации из-за жестокой шутки трех герцогов. У нее было очень незначительное приданое, и скандал почти не оставил ей шансов на удачное замужество.

Марлену возмутило, что из-за высоких титулов никто из виновных не был призван к ответу, и даже более того: общество никак не выразило своего неодобрения. Интересно, что бы они почувствовали, если бы жертвами подобных развлечений стали их сестры во время своего первого сезона?

Решив наказать распутников и, возможно, помочь Веронике, которая была вынуждена принять предложение мистера Портингтона, Марлена и задумала начать выпуск собственного скандального листка. Ей хотелось, чтобы все узнали и запомнили, как дурно сент-джеймские повесы поступили с юными дебютантками.

Так родился еженедельный скандальный листок мисс Гоноры Труфф.

– Ты же не можешь продолжать писать об этом герцоге, если он стал твоим опекуном, – прервала воспоминания Марлены Евгения.

– Пока не знаю, – честно ответила та. – Деньги, которые я получаю, помогают вам с сестрой содержать дом. Я не могу думать о том, что вам придется переехать.

– А что, если герцог узнает?

– Может, и не узнает. – Марлена из последних сил пыталась сохранять оптимизм. – Нет никаких оснований считать, что он пытается выяснить, кто автор листка или кто распустил слух, что сестрам герцога Гриффина могут испортить репутацию в их первый сезон. Но даже если я ошибаюсь, ты не должна волноваться: ваши имена нигде не прозвучат. Я не допущу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

Евгения погладила подругу по руке.

– Нет, мы не позволим тебе взять всю вину на себя: ведь ты помогаешь нам.

– Но я настаиваю. Да и что он может со мной сделать? Разве что выдать поскорее замуж, чтобы избавиться от опекуна. Он и так к этому стремится.

– Ты собираешься замуж?

– Да, ведь мне скоро двадцать – и пора уже думать о браке, впрочем, как и тебе. Скоро начнется сезон, и мне не показалось, что герцог намерен нести на себе бремя заботы о моем благополучии слишком долго.

– Вероника тоже хочет, чтобы в этом сезоне мне кто-нибудь сделал предложение. Я была бы не против, но... – Она замолчала и тяжело вздохнула. – Впрочем, радует то, что все мероприятия сезона мы будем посещать вместе.

Марлена улыбнулась.

– Да, и заботиться друг о друге, как делали все последние годы. Как ты думаешь, твоя сестра сумеет сохранить спокойствие, узнав, кто мой новый опекун?

Евгения ахнула.

– Не знаю, но ведь все равно ей придется сказать.

– Конечно. Я объясню ей, что не следует переживать из-за этого, и, думаю, она поймет, что я не могу выбирать себе опекуна. Кроме того, в последние годы она неоднократно встречалась с герцогом Ратберном и его друзьями на разных светских мероприятиях. Все это время она их избегала – так и должно быть впредь.

Евгения кивнула.

– Я постараюсь ей все объяснить.

– Вот и хорошо. Понимаешь, я точно не знаю, что будет дальше, но что-либо менять причин не вижу. Вероника будет продолжать собирать слухи и сплетни, а я буду использовать их вместе с теми, что услышу от Джастины, в своем листке. Написанное буду передавать тебе, ты – горничной, а та – своей сестре, которая служит у мистера Траута. Все отлажено, и все будет хорошо.

«Во всяком случае, пока».

– Добрый день, ваша светлость. Сожалею, что заставила вас ждать...

Обернувшись, Марлена увидела входившую в гостиную кухню. Миссис Джастина Абернати вплыла в комнату, расправив плечи и вздернув подбородок, под шелест светло-зеленых юбок, колыхавшихся в такт шагам.

Глава 4

Если джентльмен говорит, что зайдет позже, чтобы поговорить с вашим отцом, но тут же спрашивает, когда увидит вас снова, берегитесь: это повеса!

Мисс Труфф

Девушки встали, приветствуя кузину.

Ею невозможно было не восхищаться. Платье Джастины с низким вырезом больше подходило для модной вечеринки, чем в качестве повседневного для дома. На ее точеной шее – на толстой золотой цепи – висел крупный дымчатый топаз. Пепельные волосы, уложенные в затейливую прическу, украшали умело вплетенные зеленые ленты. В одной руке – затянутой в перчатку, разумеется, – она держала кружевной платочек.

Внимательно оглядев комнату, Джастина уставилась на Марлену, словно не верила своим глазам.

– Я уверена, что здесь был герцог Ратберн. Когда миссис Додл разбудила меня и сообщила о его приходе, я сначала не поверила, на цыпочках подкралась к двери и подсмотрела. Он стоял посреди комнаты и разговаривал с тобой. Я точно знаю, что это был он: не раз встречала его в обществе и даже была ему представлена на балу в прошлом году. Этот джентльмен божественно красив.

– Да, он был здесь. Очень жаль, что вы не встретились: он не мог больше ждать и ушел.

– Ах! – Высокая пышная фигура Джастины, казалось, даже слегка съежилась: очень уж разочаровало ее сообщение. – Я не думала, что так долго одевалась, но очень хотелось выглядеть наилучшим образом! Не могла же я принимать герцога, одетая, как... как ты, Марлена. Боже мой, как тебе только в голову пришло встретить его светлость в таком платье? Тебе следовало хотя бы попытаться выглядеть более презентабельно.

Миссис Абернати перевела взгляд на Евгению и уже открыла было рот, чтобы высказаться и по поводу ее платья, но передумала и опять обратила свое внимание на Марлену.

– Возможно, наша семья больше не принадлежит к сливкам общества – из-за неудачного для дяди стечения обстоятельств, – но в этом доме мы должны выглядеть и вести себя безупречно, тем более перед высокими гостями.

– Да, конечно, – согласилась Марлена, вспомнив, как спорила с герцогом и настаивала на своем праве остаться в этом доме: такое поведение определенно нельзя было назвать безупречным, – но не желая еще больше раздражать Джастину, добавила: – К сожалению, мы обе ничего не могли предпринять, поскольку не знали, что герцог придет.

– Значит, ты тоже его видела? – недовольно спросила Джастина Евгению.

Какая несправедливость: она потратила столько усилий на то, чтобы одеться со всей тщательностью, и все напрасно!

– Только мельком, миссис Абернати, – робко пробормотала та.

Джастина фыркнула и так тяжело вздохнула, что ее пышная грудь заколыхалась.

– А я была на улице, – пояснила Марлена. – Вышла из-за угла дома и обнаружила, что он стоит перед дверью. Мы, можно сказать, едва не столкнулись.

– Только не говори, что ты опять возилась в саду! – Джастина возвела свои темно-зеленые глаза к потолку и тяжело вздохнула. – Неужели ты никогда ничему не научишься? Нет, я ничего не хочу слышать. Не думала, что мне придется переживать еще и из-за этого. Как говорится, если молоко пролилось, его уже не вернешь в кувшин. Но как все-таки обидно, что он пришел повидать меня и не дождался. Мне следовало поторопиться. Я ведь даже танцевала с ним пару раз – до замужества с Уоллисом, конечно, – когда слыла первой красавицей сезона.

Марлена сомневалась в правдивости ее слов: по ее предположению, герцог по меньшей мере лет на пять моложе Джастины. Если верить кузине, она была королевой каждого бала, самой популярной вдовой на каждой вечеринке, и все приличные светские львы едва ли не сражались друг с другом за право сделать ей предложение.

– Герцог был сильно расстроен из-за того, что я не появилась вовремя?

Ратберн? Расстроен? Он слишком самонадеян для проявления таких человеческих эмоций.

– Никоим образом, – честно ответила Марлена, немного удивившись. – Вообще-то он должен был заранее известить о своем визите или хотя бы прислать записку, а он явился совершенно неожиданно. По-моему, это дурной тон.

– Ошибаешься, дорогая, – с апломбом заявила Джастина. – Герцог может явиться в любое время, и его следует принять со всеми почестями. Ты должна была немедленно извиниться, уйти к себе и одеться соответствующим образом.

Она неодобрительно взглянула и на Евгению, давая понять, что ее слова относятся и к ней.

Та стушевалась и решила, что ей лучше удалиться.

– Если позволите, миссис Абернати, Марлена, я пойду.

Джастина величественно кивнула, а Марлена прошептала, когда подруга, опустив голову, словно стараясь сделаться незаметной, проскользнула мимо:

– Мы поговорим позже.

Потом, опять взглянув на кузину, громко сказала:

– Обещаю уделять больше внимания своему внешнему виду. Думаю, нам всем нужно об этом помнить, потому что герцог обещал на днях вернуться.

– Правда? – живо заинтересовалась Джастина, но тут же, сделав над собой усилие, постаралась спросить как можно равнодушнее: – И когда же? Завтра?

– Он не сказал, когда именно. Просто сообщил, что обязательно зайдет еще раз.

– Думаю, что завтра или послезавтра. Интересно, чего он от меня хочет?

Марлена слегка расслабилась. Пусть лучше кузина, как обычно, целиком сосредоточится на себе. Хотя Джастина еще довольно молода – ей едва минуло тридцать пять, – Марлена никогда не чувствовала близости с ней. Кузину ни злой, ни сварливой вроде не назовешь, просто она была излишне дотошна в отношении приличий и не любила, когда ее выводили из равновесия – если, конечно, это делал не герцог. Марлена обычно уступала кузине, когда речь шла о прогулке в парке, званом обеде или походе в магазин за новой шляпкой или перчатками. Пусть они и были дальними родственницами, дом принадлежал Джастине, хотя мистер Олингуорт и платил ей за заботу о Марлене.

Больше всего раздражала в Джастине ее любовь к воспоминаниям о прошлом. Вероятно, ее не слишком радовало настоящее, поэтому она постоянно возвращалась в те времена, когда была моложе, и обожала рассказывать о джентльменах, добивавшихся ее руки, и множестве предложений, которые она отклонила в год своего дебюта. Список казался бесконечным. О чем бы ни шел разговор, заканчивался всегда воспоминаниями о ее блестящем дебюте в обществе.

– Рада слышать, что герцог вернется, – сказала Джастина, поглаживая пальцами крупный топаз. – Как я уже говорила, мы неоднократно встречались на разных мероприятиях. И танцевали, я уверена. Хотя это было давно, когда я была намного моложе. Он тоже, разумеется, но такой же красавчик. Да и я была первой красавицей сезона. Все так говорили. Не сомневаюсь, что он меня заметил. Многие джентльмены соперничали за право ухаживать за мной. Виконт Хартхил, к примеру. Наверное, мне следовало тогда выйти за него замуж, и сейчас я жила бы не здесь, а на Мейфэре.

Марлена знала эту историю наизусть: Джастина рассказывала ее по любому поводу, да и без всякого повода тоже.

– Конечно, тогда мне не хотелось замуж за виконта: он был намного старше Уоллиса и далеко не так красив. Все юные леди в тот сезон искали внимания Уоллиса, и я не могла ему отказать, когда он выбрал меня. Ты же знаешь: первая красавица сезона не могла не выйти замуж за самого популярного джентльмена. – Джастина мечтательно вздохнула. – Но я помню, как красиво за мной ухаживал виконт, словно это было вчера.

Миссис Абернати расправила плечи.

– Его светлость не сказал, какова цель его визита?

Марлена не знала, как лучше ответить на этот вопрос. Джастина нисколько не сомневалась, что герцог мог явиться только к ней. Тут ее взгляд упал на письмо, лежавшее на столе у лампы, и она взяла его.

– Он принес это письмо. Мистер Олингуорт, который был моим опекуном больше десяти лет, теперь передает ответственность за меня герцогу Ратберну.

– Что? – взвизгнула Джастина, словно наступила на горячий уголь.

– Он пришел познакомиться со мной. – «А сделал намного больше».

Марлена отчетливо помнила, как соприкоснулись их руки, когда он передавал ей книги. И еще – какими теплыми были его пальцы, когда он развязывал запутавшуюся ленту ее шляпки.

– Герцог? Твой опекун? Не может быть! Нет, я не верю. Тут какая-то ошибка. – Джастина одарила Марлену скептическим взглядом, потом выхватила письмо из ее рук, не дожидаясь, когда она сама его отдаст, и фыркнула: – Дай, я сама посмотрю. Ты всегда все оставляешь мне. Откуда ты знаешь, что там написано? Гром и молния, да ты ведь даже его не вскрыла!

– Его светлость пересказал содержание письма, и у меня не было причин сомневаться в его словах.

– Разумеется, нет, но я должна сама во всем убедиться.

Она сломала восковую печать, развернула лист бумаги и начала быстро читать, бормоча себе под нос. Чем дальше она читала, тем громче становилось ее бормотание, а глаза, в конце концов, стали круглыми как блюдца.

Опустив лист, Джастина широко улыбнулась, схватила Марлену в объятия и крепко прижала к своей необъятной груди. Кузина щедро поливалась духами с тяжелым мускусным ароматом хвои, ее грудь и плечи покрывал толстый слой пудры, источавшей острый запах лаванды, и Марлена изо всех сил старалась сдерживать дыхание, чтобы ненароком не расчихаться.

– Моя дорогая девочка! Если это правда, сегодня все святые нам улыбнулись! Это письмо изменило нашу жизнь навсегда: и твою, и мою. Моя девочка, моя кузина – подопечная герцога! Как я счастлива! Как нам повезло!

Марлена едва не задохнулась в крепких объятиях кузины, но, слава богу, та ослабила хватку, и уже в следующее мгновение она ощутила, что свободна и опять может дышать. Джастина еще никогда не проявляла своих чувств так открыто, и Марлена была потрясена.

Брови кузины опять поползли вверх.

– Если, конечно... если бы я была его подопечной или... впрочем, неважно. Поскольку такая возможность существует, я считаю, что он интересуется мной, иначе просто отправил бы своего поверенного, чтобы навестить нас и урегулировать все вопросы. Мне нужно все это выяснить.

Собравшись с духом, Джастина одернула платье и заявила:

– Думаю, нам не следует слишком радоваться, до тех пор пока я сама не поговорю с герцогом. Понимаю, письмо написано мистером Олингуортом, но он очень болен. Мы не знаем, как у него с рассудком. Я должна услышать из уст самого герцога, что он дал согласие. Я имею в виду, что пока не надо никому сообщать эту счастливую весть, пока не станет очевидна ее правдивость. Если вдруг окажется, что это ошибка, я не переживу такого позора.

– Герцог подтвердил свое согласие взять на себя ответственность, – заверила кузину Марлена. – К тому же дал понять, что все сделано официально и ничего изменить нельзя. Он даже хотел, чтобы мы переехали в его особняк на Мейфэре.

– О да! Иначе и не могло быть! Я буду на седьмом небе! – захлопала в ладоши Джастина. – Как это будет здорово – опять оказаться на Мейфэре, где я жила с Уоллисом, рядом с моей дорогой подругой леди Уэстербрук. Неужели моя сокровенная мечта станет явью!

Джастина часто говорила о доме на Мейфэре, где жила с мужем, и о том, какую активную светскую жизнь они вели. После смерти мистера Абернати его дядя, благотворитель, сократил ее содержание вдвое и заставил переехать из особняка на Мейфэре в более скромный дом в Сент-Джеймсе. Вполне возможно, Джастина так часто вспоминала о прошлом лишь потому, что никак не могла примириться с понижением своего социального статуса.

– Конечно, мы немедленно переедем. Я скажу горничной, чтобы начала паковать вещи.

Ощувив укол вины из-за того, что придется разочаровать кузину, которая всегда была добра к ней, Марлена пробормотала:

– Джастина, я отказалась.

– Ты о чем? – нахмурилась кузина. – Герцогам не говорят «нет».

– Я не желаю жить на Мейфэре.

– Это совершенно неважно, моя девочка, – отмахнулась Джастина. – Я хочу, и герцог хочет, чтобы мы переехали. Он предложил нам кров в престижном месте, и ты не можешь отказаться. Я не позволю.

– Извини, Джастина. – Марлена не понимала, что, проявляя упрямство, ведет себя недостойно, но была исполнена решимости стоять насмерть. Ей нужно оставаться рядом с Евгенией во время сезона и продолжать работать над своим листком. – Знаю, тебе бы это понравилось, но я отказалась и он согласился. Вопрос решен. Пусть у меня теперь другой опекун, но дом останется прежним.

Джастина несколько секунд задумчиво смотрела на кузину. Судя по выражению решительности на лице, уступать она не намерена.

– Ладно, пока оставим это. Как я уже сказала, никто ничего не узнает, пока не поговорю с герцогом.

– Спасибо за понимание, – тихо пробормотала Марлена.

– Разумеется, мы останемся здесь. – Джастина громко фыркнула. – Бедный мистер Олингуорт так много делал для тебя все эти годы. Мы его никогда не забудем. Жалко, конечно, что он умер. Но мы не будем расстраиваться слишком сильно, правда, дорогая? Новость о твоём новом опекуне слишком жизнерадостна, чтобы ей не придать должного значения.

– Но мистер Олингуорт жив, хотя и очень болен. Просто решил позаботиться о моем будущем, пока еще может.

– Ах так? Ну что ж, тем лучше для бедолаги. Как это мило с его стороны, что он не отдал тебя в руки канцлерских судей. Это было бы форменное безумие. Ужасно. Никогда не знаешь, кого назначат твоим опекуном. Им нельзя доверять. Они всегда отдают предпочтение своим друзьям и тем, кто им больше заплатит.

– А мне кажется, что так было бы даже лучше, – быстро парировала Марлена. – Сомневаюсь, что для меня выбрали бы опекуна с репутацией герцога Ратберна.

– Это правда. К герцогу даже не стали бы обращаться по такому вопросу. Титулованных особ обычно не беспокоят подобными проблемами – разве что речь идет о близком родственнике, – поэтому я должна все услышать из уст самого герцога. Я поговорю с ним и узнаю, почему он согласился. Возможно, все дело в том, что он помнит меня с прежних времен и пожелал помочь, ведь, как ты знаешь, я была первой красавицей сезона.

О боже! Марлена слышала об этом изо дня в день с тех пор, как поселилась в этом доме. Сначала она надеялась, что со временем привыкнет и перестанет обращать на этот бред внимание, но ничего не изменилось.

– Я обязательно все выясню, – повторила Джастина. – Для начала скажи: Евгения знает, зачем приходил герцог?

– Да, конечно. Я ей рассказала.

– Значит, ты должна немедленно отправиться к Портингтонам и предупредить ее, чтобы ничего никому не говорила, ни одной живой душе. Думаю, она уже успела поделиться с сестрой и мистером Портингтоном, но им тоже следует молчать.

– Джастина, думаю, об этом можно не беспокоиться.

На лице кухни отразилось откровенное недоверие.

– Мы не должны рисковать. Это будет моя новость, которую я расскажу всем, кому надо, когда придет время. Вероятно, прежде всего я сообщу леди Уэстербрук. Ей это понравится, и она поможет мне составить список тех, кого необходимо проинформировать в первую очередь. А ты немедленно отправляйся к Портингтонам. Сегодня вечером мы устроим небольшой праздник. Это будет вполне прилично, даже необходимо.

Оглядев Марлену с ног до головы, она добавила:

– Пойди к себе и переоденься: у тебя юбка в грязи. Наверняка опять полдня копалась в земле. Это заметно по цвету твоих щек.

За весь день солнце так и не показалось, так что вовсе не оно окрасило ее лицо нежным румянцем. Причина тому – герцог.

Марлена действительно проводила слишком много времени на воздухе, но всегда старалась надевать широкополую шляпу, даже когда не было солнца, а сегодня, вероятно, слишком часто поднимала голову и взирала на небо, пытаясь определить, как скоро темные низкие тучи прольются дождем.

– Надеюсь, герцога не слишком возмутил твой неряшливый вид, – продолжила Джастина. – И еще надеюсь, что теперь, когда у тебя появился столь высокородный опекун, ты станешь держаться подальше от сада. Скажу миссис Додл, что сегодня у нас праздничный ужин. Мы будем веселиться, как в прежние времена.

Помолчав и мечтательно улыбнувшись, кухня прижала холеные, униженные кольцами руки к груди:

– Надо же, ты под опекой герцога! А это значит, что и я тоже, как член семьи! Герцог! С ума сойти! Какой все-таки прекрасной может в одночасье оказаться жизнь! Скажи, что я не сплю! Нет, лучше ничего не говори.

Она направилась к выходу, но Марлена окликнула ее.

– Подожди! Скажи, разве тебя не беспокоит, что распутник, известный всему Лондону повеса отныне станет управлять моей жизнью?

Джастина растерянно моргнула, явно не ожидая от нее таких слов, потом расплылась в улыбке:

– Никоим образом, девочка! И что, если он именно такой, как ты сказала, а не хуже? Но, гром и молния, дорогая, в чем проблема? Он же будет твоим опекуном, а не мужем!

– За что благодарю ангелов, которые охраняют меня на небесах, – тихо сказала Марлена.

– Я никак не пойму, что тебя тревожит, дорогая. – Джастина опять принялась вертеть пальцами топаз. – Кстати, не вижу ничего ужасного в том, что, возможно, у него есть планы на меня. Это вполне вероятно: он же хочет меня увидеть, – а я была замужем и знаю, как доставить удовольствие мужчине.

Марлена ахнула.

Джастина закатила глаза, демонстративно приподняла свои внушительные груди, потом кокетливо поправила прическу.

– Впрочем, об этом мы говорить не будем: такие разговоры не предназначены для ушей юных девиц. А теперь, пожалуйста, поспеши к Портингтонам, пока Вероника и Евгения не начали распространять слухи, лишив меня возможности оповестить об этом свет. А потом сразу переоденься. Сегодня мы будем ужинать так, как принято в обществе, к сливкам которого теперь принадлежим. Как это вовремя, однако! Мы будем наслаждаться каждым мгновением, пока герцог не расскажет мне о своих намерениях. Он, конечно же, найдет тебе подходящего мужа: не исключено, что у него уже есть кто-то на примете. Заполучив герцога Ратберна в опекуны, ты оказалась в очень выигрышном положении: можно сказать, стала первой красавицей сезона, хотя он еще не начался. Как и я когда-то – не так, Впрочем, уж и давно. Так что будем веселиться.

Джастина с довольным смехом выплыла из комнаты, а Марлена поморщилась: слова кузины огнем горели в душе.

Муж. Что ей делать с этим мужем? И главное – что делать с еженедельным скандальным листком мисс Гоноры Труф...

Глава 5

Распутник посещает неподобающие заведения и получает удовольствие.
Мисс Труф

Повинуясь импульсу, Рат открыл дверь в магазинчик белья и разных приятных мелочей мисс Лолы, удивляясь, что никогда не был в этой обители мишуры и безделушек раньше. Он вошел уверенным шагом, снял шляпу и сразу оказался во власти приятных воспоминаний из своего бурного прошлого. Его словно окутали тяжелые ароматы, каждый из которых был связан с той или иной дамой, и ему показалось, что он попал в осиное гнездо отвергнутых любовниц, собравшихся вместе, чтобы задушить его в своих объятиях.

Первоначальная реакция оказалась недолговечной. Рат принялся, огляделся и, конечно же, никаких женщин не увидел.

В помещении лишь царили запахи – разнообразные головкружительные ароматы, от которых воздух казался таким густым, что кружилась голова. Они пьянили, будоражили, вызвали непрошенные воспоминания.

Входя в магазин, Рат не знал, что ожидал увидеть, но уж точно не роскошную выставку соблазнительных корсетов, шелковых чулок, прозрачных пеньюаров и кружев в таком количестве, что можно было бы заполнить трюм торгового судна. Здесь все было рассчитано на то, чтобы сердце мужчины забилося чаще, а интерес к противоположному полу обострился до крайности.

Магазин, отнюдь не маленький, был буквально забит всевозможными аксессуарами и парфюмерией, призванными украсить дам, придать им еще больше привлекательности. Резные ручные зеркальца и серебряные щетки, украшенные драгоценными камнями расчески, тончайшие перчатки всевозможных цветов и оттенков лежали везде – на столах, стульях, прилавках. Их изображение можно было видеть даже на картинах, украшавших стены. Среди них в художественном беспорядке были разложены кружева и замысловатые бусы. Расставленные на столиках лампы наполняли комнату приятным мягким светом.

Здесь было все необходимое для дамы, которая вознамерилась бы очаровать и возбудить мужчину.

Рат, невзирая на свой немалый опыт, никогда не видел столько женских секретов и ловушек под одной крышей, поэтому почувствовал себя заинтригованным.

«Спасибо, мисс Фаст, за то, что вы, сами того не желая, подтолкнули меня в нужном направлении».

Он позволил себе отвлечься и представил ее нежное тело цвета слоновой кости, укрытое лишь кружевами и мерцающими жемчужинами, шелковистые волосы, ниспадающие на плечи и спину...

– Я к вашим услугам, сэр, – отвлек Рата от чувственных фантазий, хотя с наглядным свидетельством таковых было справиться не так-то просто, женский голос.

Проклятье!

Он переместил шляпу вниз, чтобы скрыть результат своих грез наяву, обернулся и увидел направлявшуюся к нему привлекательную даму средних лет – вероятно, хозяйку магазина – в платье цвета лилий, с корсажем и рукавами, украшенными кружевом.

– Мисс Лола, насколько я понимаю? – Его приветствие было теплым и уважительным: Рат высоко ценил предприимчивых дам.

– Вы правильно понимаете, сэр.

– Рат. Герцог Ратберн.

– Прошу прощения, ваша светлость. – Дама сделала изящный реверанс, но улыбка ее оставалась легкой и искренней. – К нам очень редко заходят джентльмены, титулованные или нет.

Рат улыбнулся: мисс Лола ему сразу понравилась – и, решив перейти к делу, спросил:

– У вас продаются нюхательные соли или мне следует зайти к аптекарю?

– Прошу меня простить, ваша светлость, но вы не выглядите человеком, склонным к обморокам. Впрочем, это не мое дело. Да, я действительно продаю средства, способные привести в чувство, и очень быстро.

Дама нравилась Рату все больше: деловая, свободная, не жеманная, – от такой несколько растерявшийся покупатель не выйдет без покупки. Рату было мало что известно о нюхательных солях: дамы, с которыми ему доводилось иметь дело, не имели обыкновения падать в обморок.

Хозяйка предложила ему пройти в заднюю часть магазина. По пути Рат заметил открытый ящик, наполненный чем-то непонятным, почувствовал цветочный аромат и опять вспомнил о мисс Фаст, представил, как она бежит по полю среди высоких желтых и голубых цветов. Ее ладони касаются нежных лепестков, а волосы развеваются на ветру. Эта мысль оказалась приличнее предыдущей, но такой же реальной и будоражащей.

Хозяйка магазина остановилась у длинной витрины, заполненной маленькими флакончиками с непонятным содержимым, между которыми помещались изящные сатиновые шарики, кубики и пирамидки с пришитыми к ним ленточками. Насколько понял Рат, в эти вещицы можно было положить нюхательную соль и носить на запястье, как ридикюль. Это очень подойдет для хрупкой подруги мисс Фаст.

– Любое средство на этой витрине способно привести в чувство даже в случае глубокого обморока, а также избавить от волнения, не вызывая головной боли.

Мисс Лола взяла синий флакончик с причудливой серебряной крышечкой, открыла и предложила Рату понюхать, но тот лишь попятился. Резкий запах нашатыря чувствовался даже на изрядном расстоянии.

– Достаточно. – Он еще немного отдвинулся. – Этот запах разбудит и медведя в зимнюю спячку.

– В опасных ситуациях это средство незаменимо, – заверила его мисс Лола.

– Пожалуй, куплю три флакончика и к ним три сумочки. Мне кажется, одна юная леди оказывается в опасных ситуациях куда чаще, чем хотелось бы.

– Хорошо, ваша светлость. Не хотите приобрести еще и флакончик духов? Прямо от французских парфюмеров. Могу вас заверить: парфюма много не бывает.

Рат в очередной раз подумал о Марлене: вспомнил, как она шла к нему в нелепой широкополой шляпе, как улыбалась. Позже, когда она прошла мимо, он уловил запах свежесрезанной травы, земли, свежего воздуха – аромат самой жизни. Едва ли ей нужны духи. Мысль о том, что она может ими воспользоваться, перед тем как отправиться работать в сад, вызвала у него улыбку. К ней со всей округи тут же слетятся пчелы, осы, божьи коровки и прочие насекомые.

– Нет, пожалуй, парфюма не надо.

– Понимаю, не каждой даме это подходит. Я отнесу часть ваших покупок на прилавок и вернусь за остальными.

– Нет необходимости. Я помогу.

Ратборн сунул шляпу под мышку, взял оставшийся флакон и три сатиновые пирамидки.

После того как покупки были упакованы в затейливую сумочку с кружевами и лентами: с такой ни один нормальный джентльмен не отважится пройти по городу, – Рат со вздохом пожал плечами и направился к выходу. Но тут мелодично звякнул дверной колокольчик, дверь распахнулась, и магазин наполнился оживленными женскими голосами. Знакомыми до боли.

Рат ощутил, как все его внутренности скрутило в жгут, замедлил шаги и остановился.

Герцогиня Гриффин и герцогиня Хоксторн проплыли мимо него, не замечая, и сразу поспешили к отделу нижнего белья. Жены его лучших друзей, леди, которых он обожал.

– Ты только посмотри! Этого здесь не было, когда мы заходили в прошлый раз! – воскликнула Лоретта, взяла тоненькую сорочку и приложила к себе: – Ну как?

– Прелесть! Она абсолютно прозрачная: кажется, сквозь нее можно читать, – Хоку понравится. – Эсмеральда остановилась перед кружевным корсетом и задумалась. – Интересно, это мне подойдет?

– Примерь, – предложила Лоретта.

Обе дамы обернулись к прилавку и наконец заметили его. Лоретта вздрогнула и спрятала сорочку за спину, а Эсмеральда бросила корсет, как будто это была горячая кочерга. Обе подзрительно уставились на него, и у них для этого были все основания. Ему не следовало даже приближаться к этому магазину, а он позволил желанию оказать услугу мисс Фаст возобладавать над здравым смыслом.

Золотисто-карие глаза Эсмеральды округлились, а синие Лоретты уставились на его шейный платок. Щеки обеих дам окрасил румянец. Они, безусловно, пребывали в шоке, понимая, что он все видел и слышал их разговор. Рату пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться. Очевидно, леди думали, что он никогда не видел шелковых чулок, кружевных корсетов и прозрачных сорочек, хотя на самом деле, вероятно, расшнуровал больше корсетов и снял чулок, чем они могли себе представить.

В создавшейся ситуации у Рата было два выхода: можно остаться собой и никак не комментировать свое присутствие здесь или изобразить, что тоже чувствует дискомфорт, поскольку дамы застали его среди вещей, о которых не принято говорить вслух, и продолжить свой путь к выходу из магазина.

Рат никогда не чувствовал смущения в неловких ситуациях, никогда ни перед кем не оправдывался. Кроме того, они трое никогда не стали бы сент-джеймскими повесами, если бы позволяли себе как-то сгладить положение.

Иными словами, он не стал прятаться под прилавок или делать вид, что зашел сюда по ошибке. Вместо этого он продел указательный палец в петельку одного из многочисленных бантов на своей легкомысленной сумочке, покачал ее, словно маятник, и, широко улыбнувшись, проворковал:

– Эсмеральда, рад приветствовать. Ты сегодня потрясающе выглядишь. Как дела у Гриффина?

Не дожидаясь ответа, он потянулся к ее затянутой в перчатку руке и тут же повернулся к Лоретте.

– Как поживаете, красавицы?

– Должна заметить, мы несколько удивлены... – протянула Эсмеральда, обретя наконец дар речи.

– Я бы даже сказала, шокированы... – добавила Лоретта.

– Мы не ожидали встретить тебя здесь, – сообщили дамы хором.

Он же не почувствовал никакой неловкости, напротив: с улыбкой наблюдал как их взгляды переместились на нелепую вещицу в его руке. Обе явно изнывали от любопытства, но так и не осмелились спросить, что он купил и, главное, кому.

Эсмеральда скосила глаза на Лоретту.

– Знаешь, я не нахожу здесь того, что мне нужно. Быть может, зайдём в другой магазин?

– Совершенно с тобой согласна. – На прелестном личике Лоретты отразилось нескрываемое облегчение. – Надеюсь, ты нас извинишь, Рат, но мы пойдем.

Ему следовало попрощаться и уйти, не задавая вопросов и никак не комментируя встречу, как поступил бы другой джентльмен, но Рат не был бы собой, если бы следовал обще-

принятым правилам поведения. Если он игнорировал их всегда, то какой смысл что-то менять сейчас?

Даже если бы Лоретте и Эсмеральде не была известна его репутация, то посещение дамского магазина говорило о его презрении к условностям. Рат понимал, что должен позволить им уйти без лишних слов и не усугублять неловкость, но это было выше его сил. Кроме того, небольшое развлечение поможет леди успокоиться.

– А что, если не секрет, вы здесь хотели купить? – поинтересовался он невинно.

– Шелк! – быстро ответила Эсмеральда.

– Кружева! – одновременно с ней выпалила Лоретта.

Рату потребовалась немалая выдержка, чтобы не рассмеяться. Если что-то и было в изобилии в этом магазине, то именно шелк и кружева. Он знал, что леди обязательно расскажут мужьям, что видели его здесь, и те вдоволь поиздеваются над ним, поэтому не мог упустить столь редкую возможность их опередить.

– А я вот зашел, чтобы купить кое-что для своей подопечной. – Рат поднял сумочку на уровень их глаз и покачал на пальце. – Ей столько всего нужно.

– Подопечной? – воскликнула Эсмеральда. – У тебя есть подопечная?

– Да. Юная леди.

– Ты опекун? – в ужасе переспросила Лоретта.

– А что со мной не так? – как ни в чем не бывало поинтересовался Рат.

– Подумать только – ты делаешь покупки для своей подопечной здесь? – возмутилась Эсмеральда. – Ты не можешь отвечать за юную леди!

– Совершенно верно! – поддакнула Лоретта.

Рат наслаждался их реакцией, хотя поначалу ему показалось, что и для них придется приобрести нюхательную соль. Их уверенность, что он ни при каких условиях не может быть опекуном, конечно, его задела, но не так чтобы очень.

– Я вовсе не пытаюсь вас ввести в заблуждение и вполне согласен с вашим мнением относительно моей неспособности быть опекуном. Женщины меня любят, а я, в свою очередь, люблю и уважаю их.

– Кто бы сомневался, – буркнула Лоретта, а Эсмеральда выпалила:

– Как это несчастное создание угрозило попасть к тебе в лапы?

– Меня попросил об этом друг ее семьи, который высоко меня ценит. – Если это утверждение и не совсем соответствовало истине, то по крайней мере было близко к ней. – И хотя сначала мне показалась немыслимой перспектива взять на себя ответственность за юную леди, я тщательно все обдумал и согласился.

– Бедняжка! – пробормотала Эсмеральда, а Лоретта с вызовом поинтересовалась:

– Что ты знаешь об опекунстве?

– Пока ничего, – улыбнулся Рат: говорить правду всегда легче.

– Кто она? – спросила Эсмеральда.

– Мисс Марлена Фаст. Этот сезон будет для нее первым, так что вы едва ли ее знаете. Ее опекал лучший друг моего отца, но состояние его здоровья оставляет желать лучшего, вот он и передал ответственность мне.

– Рат, а Хок и Гриффин знают об этом? – не унималась Лоретта.

– Нет, но, уверен, сегодня узнают. – Он усмехнулся. – С нетерпением жду их реакции.

Случайная встреча с женами приятелей могла оказаться полезной для мисс Фаст, и Рат решил еще немного продлить разговор и воспользоваться ситуацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.